

*Роман
о женской
судьбе*

НАТАЛИЯ Время
перемен
МИРОНИНА

Наталия Миронина

Время перемен

Серия «Счастливый билет. Романы
Н. Мирониной. Новое оформление»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68801502

Время перемен:

ISBN 978-5-04-180900-3

Аннотация

Семья, любовь и домашний уют – вот о чем мечтает каждая девушка. Но в «лихие девяностые» думать об этом некогда, и Кире Заболоцкой приходится забыть о счастье и искать способы подняться.

Правильно говорят: хочешь жить – умей вертеться, так что Кира хитрит, выкручивается, налаживает связи и изобретает схемы по развитию бизнеса. Ее главная цель – выкупить свою старую коммунальную квартиру в центре столицы. И ради этого она готова на все.

Вот только порой, стремясь к заветной мечте, мы совсем не замечаем радостей, что нас окружают...

Содержание

Конец 80-х годов	5
1990 год	66
Кира	91
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Наталья Миронина

Время перемен

© Миронина Н., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

В этой истории не очень много действующих лиц – Героиня, ее Подруга, Добрый человек и Муж подруги. Остальные участники действия появляются эпизодически и большого влияния на суть происходящего не оказывают. Наверное, решающую роль в этой истории оказало Время и Место, в котором герои книжки оказались.

Конец 80-х годов

Дом стоял так, что его было видно со всех сторон. И если идти со стороны Пушкинской площади, и если стоять на Никитской у церкви Большого Вознесения, и если вздумаешь свернуть с Садового кольца и пойти в сторону Патриарших прудов. Дом казался огромным, но при ближайшем рассмотрении в нем был всего один подъезд и пять этажей. Зато крышу его украшал треугольный готический фронтон. Многочисленные экскурсии, которые ходили по этим улицам, неизменно останавливались перед этим домом и экскурсоводы говорили одно и то же:

– Вас не должен обмануть внешний вид этого дома. Флигели, которые находятся справа и слева, к нему отношения не имеют. Они являются самостоятельными строениями. Но, по правде говоря, внутри сообщаются с ним лестничными переходами. А еще интересен фронтон, выполненный в готическом стиле. Тимпан фронтона являет из себя барельеф. Он изображает сцену одного из сражений Александра Македонского.

Экскурсанты тянули головы – разглядеть битву не удалось, но общий вид удивительного дома вызывал шум в рядах.

Историю этого дома можно было прочитать в архитектурных и исторических справочниках, но что было правдой, а

что неким преувеличением, уже никто не знал. В описываемое нами время этот дом состоял полностью из коммунальных квартир, жильцы которых давно мечтали перебраться поближе, например, к Строгино, чем оставаться в историческом центре, но с туалетом на три семьи.

Семья нашей Героини, Киры Заболоцкой, занимала в старом доме несколько комнат. Это обстоятельство вызывало вечно тлеющую зависть соседей по этажу. А когда отец Киры в одной из комнат поставил маленькую электрическую плиту, соседи возмутились громко. Долго они шуршали по углам, неодобрительно покачивали головами. Строго смотрели вслед Заболоцким, а потом устроили общее собрание. Устроили его на общей кухне в такое время, когда из всей семьи была только школьница Кира и ее лежащая бабушка.

– Кира, не вздумай ходить туда. Мать с отцом разберутся, – тихо говорила бабушка. Она чувствовала свою вину, что долго болеет, никак не умрет, не даст покоя семье. Ее никто никогда не упрекал, более того, поддерживали и лечили всеми способами. Но в понимании старой женщины «достойно уйти» означало уйти до того, как тебя начнут проклипать родственники.

Кира ничего не ответила, но на собрание пошла. Она была в школьной форме с блокнотиком в руках.

– А мать-то где? – спросил ее сосед.

– Где положено быть в это время взрослым сознательным людям. На работе, – вежливо ответила Кира.

Народ запыхтел.

– Что с ней говорить?! Сопля! Мать и отца к ответу призвать надо! – забухтел сосед. Он был неплохим мужиком, но погнобить ближнего за компанию обожал.

– Если вы по поводу плитки электрической, то она поставлена для бабушки. Бегать каждый час за теплой кипяченой водой тяжело. Да и шумно. Потом сами же соседи будут возмущаться. Мы там не готовим. Мы только воду греем.

– А если кипяtilьником пользоваться?

– Это противоречит противопожарной безопасности, – сказала Кира и заглянула в блокнот.

В блокноте ничего не было, но жест произвел впечатление.

– Погодите, бабушке много лет. И болеет она, сами знаете, раком. Потерпите.

Соседям стало стыдно.

– Вот привязались! – воскликнул с укором тот же самый сосед и гаркнул: – Расходитесь, нечего нервы человеку давить.

Результатом этого собрания стало несколько банок варенья, бутылочка облепихового сока, домашние грибы и прочие гостинцы. Каждый, кто передавал угощение, говорил:

– Алевтине Петровне здоровья. Если чем-то помочь, готовить – только скажите.

Родители долго удивлялись переменам, пока бабушка не рассказала, как было дело.

– Кира все уладила. Молодец, без скандала.

Москва всегда умела удивительным образом примирить людей. Во всяком случае, сделать их соседство комфортным. Когда пришло время записывать девочку в школу, родители Киры, недолго думая, отвели ее в ближайшую. По иронии судьбы, эта оказалась самая лучшая, самая известная школа города. Английский здесь начинали учить со второго класса, был свой бассейн и спальный корпус для продленки. Сюда приезжали иностранные делегации, а члены правительства привозили сюда своих детей и внуков. Родителей Киры эти обстоятельства не впечатляли. Их радовало то, что школа была близко и Кира могла бы приходить и кормить бабушку обедом. Кира воспринимала это нормально – у каждого члена семьи должны были быть обязанности, а при необходимости каждый приходил на помощь другому. Кира не стесняясь отпрашивалась на десять минут раньше с урока.

– Мне надо успеть домой, за бабушкой поухаживать, – говорила она учительнице. Все в классе понимали, что речь идет не только об кормлении, но и перемене пеленок.

Характер у Киры был строгий, и одноклассники сразу это почувствовали. Над ней не пытались подшучивать и не пытались сделать изгоем. К тому же Кира с первых же дней не терпела конкуренции в учебе.

Как-то ее родителей вызвали в школу.

– Понимаете, создается нездоровая атмосфера среди одноклассников. Мы задаем один параграф выучить, Кира вы-

учивает два. И опережает всех. Она уже знает, что будет на следующем уроке. Может, не стоит гнаться за количеством знаний? Может, стоит обратить внимание на усвояемость материала? На качество запоминания? – сказала классная руководительница.

– Так и обратите внимание, – спокойно сказал отец, – это ваша задача. Если плохо помнит, дайте нагоняй. А нам-то что? Глаза ей завязывать? Пусть занимается, как ей нравится! Она же не двойки получает.

«Школа» не нашлась, что ответить, и Киру оставили в покое. К пятому классу у нее не было практически четверок. К восьмому стало ясно, что единственный претендент на золотую медаль – Кира Заболоцкая. Родители, как только поняли, что дочь учится хорошо, перестали интересоваться, чем там она занимается, чем увлекается. Они вообще не ходили на школьные собрания – им было некогда. Вся их жизнь проходила в заботах и хлопотах. Болели родители, родственникам в деревне нужна была помощь. Работа в ночную смену у отца, сверхурочные и подработка у матери. Нужны были деньги, лекарства, одежда в эпоху дефицита. Кира рано вошла в самостоятельную жизнь – ключ на шее от квартиры, обед в школьной столовой, бабушка на руках, а еще хлеб и молоко из ближайшего универсама. Ее саму это устраивало. Кира не роптала, когда она единственная из класса не ехала на экскурсию в Ленинград. Она не ходила на школьные вечера, потому что мать и отец работали в ночную смену.

А бабушку нельзя было оставить одну. Она пропускала торжественные мероприятия, потому что не было у нее нужной юбки и нужных колготок. Для нее это было не пустяком, просто досадным временным недоразумением. Из всех трудностей, с которыми сталкивалась ее семья, Киру раздражало только одно – внезапность проблемы, неготовность родителей встретить очередное несчастье во всеоружии.

– Мама, давай откладывать деньги? По чуть-чуть, – как-то предложила она матери.

– Это невозможно, – вздохнула мать, – у тети Гали в деревне забор надо ставить. Она одна, помочь некому.

Заболоцкая промолчала. В этой устоявшейся семейной системе она чувствовала изъян. Но никак не могла понять, где было это слабое звено. Только однажды, выйдя в суровый мороз на улицу без варежек, про себя решила, что она будет жить по-другому. Нет, она будет отзывчивой, она будет помогать родственникам, но покупка рукавиц за два рубля пятьдесят копеек не будет для нее чем-то катастрофичным. Как покупка нового холодильника взамен старого, внезапно сломавшегося. «Невозможно жить в ожидании неприятностей. Надо их предвидеть и быть готовым к ним», – решила она про себя.

Кира никогда не спорила с родителями. Она не докучала им расспросами, претензиями. Она никогда ничего не просила. И взрослые привыкли к такому ее поведению. Через несколько лет, когда она повзрослеет и отец с матерью по-

пробуют ее поучать, она скажет им:

– Я буду поступать только так, как сочту нужным. Я никогда не была камнем у вас на шее. Я всегда и во всем помогала. Но моя жизнь будет отличаться от вашей.

Родители обидятся – они любили Киру и делали все необходимое, чтобы она росла нормально. Но тот груз, который везли эти взрослые, придавил и ее, их дочь.

В школе Кира тяжело сходилась со сверстниками. Она несколько презрительно наблюдала за их интересами, их увлечениями. Она по семейным обстоятельствам не могла полноценно участвовать в жизни класса, а потому противопоставила обычной подростковой беспечности свою преждевременную взрослость. Это отдаляло ее от сверстников еще больше.

Единственной подругой в классе была Лиля Мельникова, хотя более непохожих людей надо было поискать. На фоне неискренней игры школьной администрации в демократию, когда делался вид, что разницы между внуком министра и сыном рабочего ЖЭКа нет, дружба Киры и Лили была яркой иллюстрацией обратного. Лиля Мельникова, с ее импортными канцелярскими принадлежностями, портфелями, с ее обувью, пальто и дубленками, и Кира Заболоцкая, которая в последние два года в школе носила материнское пальто фабрики «Камышев», являли собой ту самую знаменитую картинку про социальные контрасты. Но самое удивительное, что девочки дружили крепко и искренне. Кира была самой

желанной гостьей в доме Мельниковых, а мама Лили – Тамара Леонидовна при каждом удобном случае звонила матери Киры. Казалось, Мельниковы взяли шефство над Кирой, но сделали это так, что даже самый пристрастный наблюдатель не понял бы этого.

Лидером в этой паре, как легко догадаться, была Кира. Лиля уступила ей первенство без споров и обид.

– Ты умнее меня. И взрослее. Даже мама моя так говорит, – сказала как-то Лиля. Они были в шестом классе и собирались пойти в чебуречную на соседней улице. Сложив мелочь в общую кучу, Кира сказала:

– Знаешь, чебуреки – это баловство. По одному съедим, но не наедемся. А у нас еще два урока труда. Лучше пойти в «Аист» и взять по комплексному обеду.

Лиля обожала чебуреки, но согласилась, не раздумывая. Она знала, что Кира всегда принимает верные решения.

Первые их размолвки начались тогда, когда мальчишки вдруг стали обращать внимание на Лилю. В тот год вообще все пошло кувырком. Уже в середине сентября двоих ребят вызвали на педсовет за то, что они принесли пиво в школу. Старшеклассникам запретили приходиться в школу без формы, а уроки плавания стали проходить отдельно – мальчишки по вторникам, девочки – по четвергам. Начальная и средняя школа осталась позади, начиналась полная интрига и открытий старшая школа. Именно в это время Лилю стал провозить из школы Стасик Воронцов. Стасик был мальчиком

красивым, но совершенно, как сказали бы сейчас, безбашенным. Справиться с ним не мог даже отец, известный кинорежиссер. Отчим пытался подружиться, чем делал еще хуже. Стасик сел на шею и семье, и школе. Мать его, актриса, была вечно занята.

– Воронцов за мной ходит, – как-то поделилась Лиля с подружкой новостью. – А еще звонит и узнает, что задали.

– Можно подумать, он уроки делать будет, – фыркнула Заболоцкая.

– Вот именно, – поддакнула Лиля и тут же добавила: – Он неплохой парень. Только с ним некому заниматься. Дома вечно пусто, мама на гастролях, отец на съемках. Отчим... Отчим. – Тут Лиля совсем как взрослая махнула рукой.

– Со мной тоже некому заниматься, и что? – возразила Кира.

– Но это же ты! – воскликнула Лиля. – Тебе, кроме учебы, ничего не интересно. А Стасик... Он такой любознательный, он вечно куда-то ходит.

– Шляется, а не ходит, – сказала Кира, – я его вечно на бульваре вижу. Сидит с парнями на скамейке и ржет в голос.

– Ну, это бывает... – вздохнула Лиля, – но все же...

– Все же он тебе нравится? – прищурилась Кира. – Такие идиоты всем нравятся.

– Он – красивый.

– И дурной. Думает, что его кормить до ста лет будут.

– Знаешь, он в кино меня позвал, – помолчав, сказала

Мельникова.

– Иди в кино. И давай попробуй пообщаться, убедишься, что я права. А пока я тебе мешать не буду. – Кира развернулась и пошла в сторону своего дома.

Лиля растерялась. Дома она все рассказала своей матери.

– Ты представляешь, она просто ушла.

Тамара Леонидовна очень уважала Киру, давно отметив ее здравый смысл и абсолютно взрослый подход к жизни.

– Ну, я бы, наверное, не ушла от подруги. Из-за мальчика ссориться глупо. Но по существу Кира права. Воронцов так себе парень. Столько историй с ним уже было и все они с неприятным душком.

Лиля огорченно замолчала. Недели две она ходила из школы вместе с Воронцовым, а на третью сказала ему:

– Стас, не провожай меня больше. Я начинаю ходить на дополнительные занятия, времени совсем не будет.

Воронцов отстал, а на следующий день Кира ее спросила:

– Ну что?

– Дурак он, целоваться лезет и вообще такие вещи говорит...

Заболоцкая хмыкнула:

– Я же тебе говорила.

Так они дошли до десятого класса. Лиля, натура романтическая, мечтательная, не спешащая взрослеть, и Кира Заболоцкая, которая скрежетала зубами – так медленно, ей казалось, идет время. Она спала и видела, как закончит школу

и вырвется во взрослую жизнь.

Лиля Мельникова – подруга героини – выросла в несколько иных условиях. Ее отец, Петр Вениаминович Мельников, был человеком занятым – руководство одним из московских строительных трестов было делом хлопотным, отнимало силы и время. Семья Мельниковых жила в центре Москвы, в прекрасном элитном доме. В те далекие застойные времена башни из светлого кирпича в историческом центре Москвы заселялись людьми номенклатурными, занимавшими большие посты. В подъезде дома Мельниковых проживали три министра, один военачальник и пара инструкторов ЦК партии. Все семьи сохраняли дружеские отношения «на расстоянии». Все были любезны, обменивались новостями, но в тесные отношения не вступали. Петр Вениаминович всегда наставлял жену:

– Можно случайно что-то сказать. Слово вылетит – не заметишь. А толковать его будут на разные лады.

Мельников не был трусливым. Не был он и очень осторожным, мог при случае начальству возразить, но соседские сплетни и пересуды были для него страшнее всего. Он помнил, как его отца в тридцатых посадили за обычный разговор о продуктах в магазинах. Удивительно, что карьере эта память не помешала, храбрости не убавила, но среди соседей прослыл человеком замкнутым, немногословным.

Мать Лили была библиотекарем по призванию. Муж обеспечивал семью, в доме был достаток и ездить каждый день

на работу необходимости не было. Но Тамара Леонидовна, несмотря на уговоры мужа, упрямо ездил на другой конец Москвы в одну из крупнейших библиотек Москвы. Она была заведующей отделом художественной литературы. В коллективе говорили, что «ей делать нечего», «бесится с жиру» и «наряды показывает». Последнее было отчасти верным – мама Лили приходила всегда в модных костюмах и платьях. Югославские сумки, немецкие сапоги, финские пальто – она меняла к зависти дам-коллег. Зарплаты библиотекарей были маленькими, у спекулянтов они не могли покупать дефицитные вещи в те времена. И мужей, которые могли доставать талоны в «тайную» секцию ГУМа не было. Поэтому Тамара Леонидовна выглядела королевой среди скромных сотрудниц. Впрочем, все единогласно признавали, что специалист она хороший, работает добросовестно, не опаздывает и частенько задерживается, подменяя других коллег. Одним словом, работа у Тамары Леонидовны была интересной, «с перчиком».

Лиля, дочь Мельниковых, училась в известной московской школе. Одноклассники были примерно из таких же семей. Впрочем, школьная жизнь девочки не отличалась от большинства ее сверстников. Может, только музыку немного другую она могла слушать, да и джинсы для нее не были чем-то удивительным.

Воспитанием занималась мать, поэтому к пятнадцати годам Лиля была не только отличницей, но и умела готовить,

шить, прилично играла на пианино и пела нежным голосом советские лирические песни. К десятому классу мать задумалась было о женихах, но дочь ее опередила.

Лиля ехала в автобусе к учительнице английского языка (английский входил в обязательный список навыков и знаний, которыми должна обладать девушка из интеллигентной семьи. К тому же Тамара Леонидовна хотела, чтобы дочь училась в инязе и работала в солидной внешнеторговой организации). Проезд тогда стоил пять копеек, но у Лили не оказалось денег. Вывернув все карманы, она, покрасневшая от стыда, уселась в конце автобуса, но водитель все увидел и громко потребовал оплатить проезд. Он говорил в микрофон, все оглядывались на Лилю, а Лиля что-то тихо бормотала себе под нос. Водитель с какой-то издевкой несколько раз повторил:

– Я ничего не слышу, что вы мне говорите. Оплачивайте проезд!

Лиля была готова тут же выйти из автобуса, но, во-первых, она не знала не будет ли это бегством, а во-вторых, промежуток между остановками был длинным.

Эта мука продолжалась бы бесконечно, если вдруг не встал высокий парень, который опустил в кассу пятак, оторвал билет и отдал его Лиле. А вслух сказал:

– Перестань волноваться. Подумаешь, пятак.

Лиля, все еще пунцовая, сказала:

– Спасибо.

Водитель еще бросал гневные взоры в зеркало заднего обзора, их могли наблюдать пассажиры, ехавшие впереди, но Лию это больше не трогало. Более того, ее внимание было поглощено молодым человеком, который пришел ей на помощь. Первым делом она пообещала этот самый «пяточок» вернуть.

– Вы не волнуйтесь, скажите, куда вам деньги привезти, – вежливо спросила Лиля.

– Да не надо никаких денег, – смутился парень.

– Как же, как же... – пробормотала Лиля.

– Так, не надо. Пять копеек – это всего лишь пять копеек. И моя стипендия не заметит нанесенного урона, – рассмеялся он.

– Как вас зовут? – спросила Лиля и покраснела до слез. Получалось, она сама знакомилась с парнем. Это в ее представлении было совершенно недопустимо. Одно дело в школе с мальчиками-одноклассниками быть на короткой ноге, а другое дело – взрослый парень, в автобусе...

– Стас, – ответил тот, – а тебя?

– Лилия. Но все зовут меня Лиля.

– Это хорошо, – кивнул Стас, – Лиля – это хорошо, а то Лилия – очень длинно.

– Да, я согласна с тобой. И мне имя мое нравится.

Они проехали еще пару остановок, и Лиля спохватилась:

– Я выхожу на следующей, у меня занятия здесь. Урок.

Стас кивнул:

– Мне еще пилить и пилить. У нас «лабы» в другом корпусе.

– «Лабы»? – удивилась Лиля.

– Лабораторные работы. Студенческий жаргон.

– Понятно. Пока. Спасибо еще раз. И я бы деньги отдала...

– Нет, не надо, – махнул рукой Стас и вдруг спросил: – А ты всегда этой дорогой едешь на свой урок?

– Да, раз в неделю. Если ничего не меняется у педагога.

– Тогда через неделю в этом автобусе, договорились?

Мельникова покраснела. «Он что, шутит? Он же через полчаса забудет о том, что мы ехали вместе!» – подумала она, но вслух сказала:

– Попробуем! Может, и встретимся!

– Обязательно встретимся, – рассмеялся Стас, – если, конечно, ты лодырничать не будешь и урок свой не пропустишь.

– Не пропущу. – Лиля стала пунцовой.

В этот раз ее педагог по английскому языку Алла Иосифовна удивлялась рассеянности своей лучшей ученицы. В дверях, прощаясь, она ей сказала:

– Понимаю, третья четверть тяжелая, сложная. Сил мало, весна на носу, зима вымотала. Но ты все равно держи темп. Не расслабляйся. Потом легче будет.

– Хорошо, – быстро ответила Лиля и зачем-то соврала: – У меня третий день голова болит и контрольные сплошные.

– Понимаю, понимаю, – кивнула Алла Иосифовна.

К автобусной остановке Лиля бежала бегом – ей казалось, Стас должен поехать обратно, после своих лабораторных работ. Уже на остановке она вспомнила, что денег у нее нет. Покрутившись и пропустив автобус, она пошла пешком. Ей не хотелось, чтобы на нее опять накричали или, что еще хуже, высадили контролер.

Дома она была очень поздно – родители уже раза три позвонили Алле Иосифовне. Та тоже обеспокоилась и сбегала на остановку, расспросила ожидающих автобусы людей.

– Не волнуйтесь, она, наверное, решила пешком пройтись. Жаловалась, что уже третий день болит голова, – успокаивала родителей встревоженная Алла Иосифовна.

Когда Лиля своим ключом открыла дверь и вошла в прихожую, отец так рявкнул, что хрустальные подвески люстры вздрогнули.

– Ты где шляешься? – закричал он.

Мать тут же отозвалась испуганным шепотом:

– Перестань, соседи услышат, разговоры пойдут.

Это был правильный ход – разговоров и огласки Мельников не хотел, а потому стих.

– Ты объясни дочери, что нервы у нас не железные. Что мы волнуемся и сегодня у нас прибавилось седых волос! – буркнул Мельников и скрылся в своем кабинете.

– Лиля, как так можно?! – развела руками мать.

– Как?! Я задержалась всего на полтора часа. И я не шля-

юсь! Я забыла деньги на автобус и шла пешком. В метро же точно не пустят... там турникет. Я устала, замерзла, а вы еще кричите!

А тихая и послушная до сей поры Лиля вдруг повысила голос и обнаружила возмущение. И мать вынуждена была согласиться – дочь не давала до этого никаких поводов для беспокойства. Наоборот, приходилось ее выгонять на школьные мероприятия. «Девочка взрослая, зачем мы так на нее накинулись! Но это все от волнения!» – подумала она.

– Послушай, надо уметь дружить, надо общаться, надо ладить со сверстниками! – говорила мать.

Лилия только пожимала плечами – она ладила и дружила. Но ей было скучно среди девочек, которые большую часть времени посвящали разговорам о мальчиках и косметике. Лиле хотелось проводить время, занимаясь более интересными делами. Она одна ходила в музей, иногда ходила на концерты. И подруга у нее была, одноклассница. Они вместе ездили учиться танцам. Кира была чем-то похожа на Лилию. Она не любила безделье, была любопытна и энергична.

– Знаешь, меня так долго ругали, что я бездельница, что я ленива, что даже когда сделаны все уроки и дополнительные занятия, я не могу спокойно сидеть на месте.

– Та же фигня, – кивала Лилия, – мне тоже говорили, что надо быть чем-то занятой. Вот теперь и занимаюсь так, что времени нет свободного совсем.

Девочки тогда вздохнули, не понимая, что этот темп им

привит на всю жизнь. И что благодаря этой родительской науке они добьются многого и рядом с ними будут такие же волевые, подвижные люди, с которыми гораздо интереснее общаться, чем с теми, кто не знает, куда себя деть от безделья и тоски.

В этот же вечер Лиля на родителей обиделась. Она быстро сделала домашние задания и легла спать. Только оставшись, наконец, одна, Лиля дала себе волю – подробно, до мельчайших деталей она вспоминала события сегодняшнего вечера – как вышла из дома, как села в автобус, как стал орать водитель, и, наконец, как этот незнакомый парень заплатил за нее и познакомился с ней. Лиля вспоминала его лицо, одежду, руки. Она вспоминала, как они попрощались и эти его последние слова о том, что они обязательно встретятся через неделю в этом же автобусе и в это же время. «Этого не может быть! – думала про себя Лиля. – Во-первых, автобусы не ходят по расписанию. Они опаздывают или приходят раньше. Сама сколько раз это замечала. Во-вторых, он может не поехать на эти свои лабораторные. И в третьих, самое главное, он может забыть, что сам же говорил. Он просто забудет, что встретил ее, Лилю, десятиклассницу без пяти копеек на проезд в автобусе».

– Пусть все случится, пусть все случится, пусть все случится! – забормотала Лиля, сжавшись в комок под одеялом. Ей так хотелось, чтобы этот самый Стас оказался в том же автобусе. Она понятия не имела, что они друг другу скажут,

но ей отчаянно хотелось, чтобы все сбылось и встреча состоялась.

На следующий день она умудрилась получить тройку по алгебре. Это было так удивительно, что весь класс притих, когда математичка недоуменно произнесла:

– Вот это да! Мельникова?! Лиля?! Это как понимать?! Мы же две контрольные уже написали на эту тему. И у тебя пятерки по обеим.

– Я... У меня голова очень болит вот уже третий день! – Лиля долго не думала над ответом. В самом деле, она же не могла сказать, что вместо уравнений в голове этот самый Стас и она пытается вспомнить, какого цвета у него глаза. А еще она думала, что она наденет, когда поедет на урок английского.

– Я исправлю. Я отвечу вам на следующей неделе, можно? – пробормотала она. Но глаза она опустила, поскольку никакого расстройтва плохой отметкой у нее не было. Наоборот, они светились от предвкушения встречи и от осознания, что ей впервые назначили свидание. Да, вот так необычно, но все же...

После уроков она выскочила из школы первой и помчалась к Кире. Та была уже дома и убирала свою комнату.

– Знаешь, терпеть не могу делать уроки, когда грязно.

– У вас грязно не бывает, – машинально ответила Лиля. Подобные разговоры случались регулярно. Кира была помещена на чистоте.

– И все же... лучше убрать.

– Кира, оставь в покое швабру и ведро. Мне нужно кое-что тебе рассказать.

– Пару получила? – поинтересовалась подруга.

– Трояк. Не пару. А как догадалась? – изумилась Лиля.

– Не знаю, ты взбудоражена. И глаза бешеные.

– Нет, дело не в трояке, хотя и в нем тоже. Понимаешь, со мной вчера такое случилось!

– Рассказывай. – Кира наконец поняла, что у подруги действительно важные новости.

– Ты же знаешь, что раз в неделю я езжу к «англичанке», к Алле Иосифовне? Так вот...

И дальше Лиля, подробно останавливаясь на деталях, рассказала все события вчерашнего дня. Кира слушала внимательно, не перебила, не остановила, даже когда подруга, рассказывая, пошла по второму кругу. Наконец, Мельникова выдохнула:

– Короче, через неделю мы должны встретиться с ним в этом же автобусе.

– Это вы так думаете, а автобус и водитель могут думать и планировать иначе, – пробурчала Кира. Потом она намазала детским кремом руки и серьезно посмотрела на подругу.

– Зачем тебе это надо?

– Что? – удивилась Лиля.

– Этот парень, это свидание. Которое и не свидание. Представь, ты войдешь в автобус. Он там сидит, потому что в дру-

гой корпус едет, тебя не узнает, поскольку студентам школьницы неинтересны. У него в институте, знаешь, сколько девиц.

Лиле не понравилось, что говорила Кира, и не понравилось слово «девицы». «Я, например, не «девица». Я – девушка. Выпускница школы. Вообще, это пошлость какая-то – «девица». Вслух она сказала:

– Знаешь, ничего страшного, если мы и встретимся. Подумаешь... Человек меня выручил. Он ездит на этом автобусе. И мне надо на занятия.

– Если так считаешь, зачем ко мне пришла? – спросила Кира.

– Ну... – растерялась Мельникова, – рассказать, поделиться...

– Поделилась. Мое мнение узнала, – констатировала Кира.

Лиля уловила в голосе Киры раздражение.

– Ты даже ни одного вопроса не задала! – воскликнула она. – Может, ты что-то не поняла.

– Да все я поняла! – усмехнулась Кира. – Тебе дали пяточок, а ты подумала, что тебя пригласили на свидание. Ты просто очень серьезно относишься к ерунде.

Лиля поняла, что Кире рассказывать этого не надо было. Кира позавидовала. «Как я могла забыть!» – про себя ойкнула Лиля, Кира считает себя некрасивой и всегда воюет с мальчишками. Первой начинает говорить обидные вещи.

Лиля была свидетельницей подобных сцен и как-то сказала:

– Зря ты так, к тебе хорошо относятся, а ты своим высокомерием и грубостью наживаешь врагов.

Кира усмехнулась:

– Мне их хорошее отношение не сдалось.

Лиля удивилась. Киру красавицей назвать было нельзя, но высокий рост, худоба, умение грациозно двигаться придавало ей шарма. К тому же у Киры было интересное лицо. В нем, вытянутом, с чуть выступающим подбородком, прямым носом и высоким лбом, было что-то лошадиное. Но вместе с этим в нем была порода, значительность, своеобразная привлекательность. Прическа Киры была неизменной – прямые светлые волосы, собранные в высокий хвост на макушке. Волосы только добавляли сходство с милой лошадкой.

Сейчас Лиля пожалела, что рассказала все подруге. «Я и сама расстроилась, и ей неприятно сделала. Ведь она позавидовала мне. А характер не позволил смягчить ответ», – подумала Мельникова.

– А знаешь, ты права. Не о чем тут думать. Может, дурак какой-то, у которого пять копеек в кармане оказалось. И захотел повыпендриваться. Я перенесу занятия английским на час позже.

– Это самое правильное, что ты можешь сделать, – с усмешкой кивнула Кира, – и вообще, нас предупреждали о последствиях ранней любви.

– Господи, не будь душой, Кира! – воскликнула Лиля и

покраснела.

Она вернулась домой, попробовала позаниматься, но из головы не выходила случившаяся с ней история. Она принималась вспоминать нового знакомого, представлять, что было бы, если бы она не поехала на этом автобусе, мечтать, как встретятся через неделю, наконец, придумывала, что она наденет. Лиля пробездельничала весь день до вечера, за уроки она взялась, только когда пришла с работы мать.

– Ты что, еще занимаешься?! – изумилась та, привыкшая, что к ужину дочь свободна.

– Не очень много задали, но сложные темы и они будут на экзамене, – пробормотала Лиля, хватаясь за книжку. Впрочем, учебник она так и не прочитала. До самой ночи она, прикрываясь уроками, думала о своей истории.

Случившееся отразилось на ее оценках и поведении. Вслед за учительницей математики возмутился историк:

– Мельникова, я все понимаю, у вас лимит доверия огромен. Но все же надо хоть прочесть учебник. Хоть один раз. Я вам двойку не поставлю, но готовьтесь к большому индивидуальному опросу. Кто знает. Может, вы всегда так готовились к урокам, а мне просто везло – я спрашивал то, что вы случайно знаете.

Лиля склонила голову.

– Ладно, садитесь, – вздохнул историк. Ему нравилась эта ученица – она никогда не пользовалась своим положением. В школе ее родители бывали только на собраниях и спокойно

выслушивали все замечания. Сама девочка была прилежной и скромной. «Взрослеет», – с какой-то грустью подумал учитель. Он на своем веку перевидал всякое, но чаще всего было вот это – внезапная рассеянность, равнодушие к предметам, невнимание и эта самая улыбка, которую он увидел на лице Лили. Мельникова получила пару замечаний от классной руководительницы и, как это ни удивительно, от учителя физики. Классная руководительница ей напомнила, что необходимо собрать актив класса, а учитель физики, на уроках которого была вечная вольница и все разговаривали почти в голос, ее одернул:

– Мельникова, я понимаю, что у меня на уроках можно спать и обедать, но не стоит мечтать. Все же это урок.

Дома мать долго приглядывалась к дочери, а потом спросила:

– С тобой все хорошо? Нет ничего такого, о чем ты боишься мне сказать.

Вот тут Лиля очнулась и с удивлением посмотрела на...

– Боюсь? – переспросила она. – Боюсь тебе сказать?

– Ну, – смутилась мать, – ты уже взрослая, мальчишки...

Отношения. Вот у Львовых дочь рожать будет через два месяца. В гороно договаривались, чтобы она закончила школу не со своим классом. Даже в вечернюю школу невозможно перейти. Не работает же. И лет мало.

– Да? – Лиля вдруг с интересом отнеслась к этой информации. – Так у нее будет ребенок? И когда свадьба?

– То-то и оно, свадьбы не будет. Не будет мужа и отца.

– Так, мама, не бывает, – усмехнулась Лиля, – отец будет.

Только не рядом с ней. И не с ребенком.

– Считай, что это нет отца.

– Нет, это считай, что дочь Львовых – дура.

– Лиля! Ты что это так грубо разговариваешь?!

– А что? Я не права? Вы же сами так думаете. И ее родители так думают.

– Ее родители рады, что будет ребенок. Они беспокоятся, что их дочь не получит образование. А детям, дочка, рады всегда. Когда бы они ни появились на свет.

– Со мной такого не случится!

Мать позабавил пафос дочери, но на душе стало спокойнее. «Она в отца. Рассудительная. Двадцать раз отмерит, прежде чем отрезать», – подумала мать.

– Я рада, что ты такая ответственная в этих сложных вопросах. Иногда чувства захлестывают, с ними справиться сложно. И если такое случится, ты скажи об этом мне. Я постараюсь тебе помочь. Я тебе не враг и хочу, чтобы ты была счастлива.

В этот момент Лиле захотелось рассказать матери о своей встрече. И она уже было открыла рот, как вдруг сообразила, что рассказывать-то нечего. Мельникова-младшая вдруг посмотрела на историю с позиции взрослого человека. «Ой, я душой маме покажусь, а еще она начнет волноваться! Права Кира – ничего такого не произошло, ничего не случилось и

не встречу я в автобусе этого самого Стаса». Поэтому она только поцеловала мать и принялась накрывать на стол – уже скоро должен был приехать с работы отец.

Неделя прошла быстро. И вот уже наступил вторник. Лиля с замиранием сердца позвонила Алле Иосифовне и узнала, не отменились ли занятия.

– Да нет, все в порядке. Жду, как обычно, – удивилась та.

Выйти из дома Лиля решила тоже загодя – в те времена расписание обычных городских автобусов соблюдалось не очень строго. Но самое главное, что она тщательно оделась. В обычные дни Лиля ходила в добротном пальто, купленном матерью на закрытой распродаже в ГУМе. Пальто было сереньким в мелкую коричневую клетку. Лиле не нравилось оно – девочки в ее классе ходили в ярких куртках. Но мать, заметив недовольство дочери, объяснила:

– Одежда должна быть элегантной. Яркие куртки – это хорошо. Но, например, лесу, в горах, на зимнем курорте. А в городской повседневности одежда должна быть серенькой, неброской, но с прекрасным кроем и из дорогой ткани.

– А это пальто с прекрасным кроем и оно из дорогой ткани? – чуть язвительно поинтересовалась Лиля.

– Да, именно так, – не моргнув глазом отвечала Тамара Леонидовна. – К твоему сведению, это знаменитый итальянский бренд.

– Что?

– Бренд. Так теперь говорят, в моей молодости говорили

– «фирма». Так вот, это пальто дорогого бренда, стоит больших денег.

– Мама, зачем ты купила мне это пальто? Если это так дорого.

– У нас есть возможности, – лаконично ответила мать.

Так вот, это пальто Лиля забраковала. Она решила, что в этот день она наденет свою любимую дубленку в виде полубубочка с оригинальной застежкой в виде гусарских шнуров. Лиле очень нравилась эта дубленка. Отец ей привез ее из Парижа, она долго ждала, когда подрастет, чтобы вещь сидела на ней ловко. Пока никого не было дома, Лиля примерила дубленку, юбку из шерсти в клетку. На голову она надела шапочку из кашемира, на руки такие же варежки. Глядя на себя в зеркало, она замерла от восторга. На нее смотрела милая, очень модная и очень взрослая девушка. «Господи, я ведь ничего такого не совершаю! Я просто еду на занятия!» – сказала она себе, но в глубине души понимала, что она едет, чтобы увидеться со Стасом.

Автобус подошел сразу же. Лиля замешкалась, пытаясь незаметно разобрать, кто сидит в салоне, но потом спохватилась, что опоздает на занятия.

– Привет. – Кто-то произнес у нее над ухом.

Она подняла голову и увидела Стаса Перова.

– Привет! – смутилась она и почувствовала, как расплывается в улыбке. – У меня есть целых пятнадцать копеек. Один пятак – долг тебе отдать. Второй – заплатить за проезд туда,

и третий – на обратную дорогу!

– Да ты богатая! – расхохотался Перов.

– Ну, почти богатая, – согласилась Лиля. Она почему-то подумала, что в ящике ее письменного стола лежит конверт, куда родители частенько клали бумажные купюры.

– Это тебе на конфеты, – говорил отец, вкладывая красненькую десятку.

– Это тебе на колготки и прочее, – говорила мать, и конверт пополнялся еще двумя-тремя купюрами. Родители были щедры. Во-первых, были возможности, во-вторых, видели, что дочь деньги почти не тратит. Только по необходимости и на важные вещи типа учебников, тетрадей и тех же самых колготок. «Интересно, сколько у меня там скопилось?!» – некстати подумала она.

Автобус ехал нервно, словно за рулем был тот же самый водитель и он разочарован, что поорать не на кого.

– Ой, – воскликнула Лиля, когда ее бросило в сторону и она привалилась на Стаса. Стас обнял ее за плечо.

– Эй, – отстранилась она, – перестань.

– Я ничего не делаю, я просто поддержал, чтобы ты не упала.

Лиля смутилась, хотя и видела и понимала, что ее сейчас обняли.

– Ты же опять на занятия?

– Да, – ответила Мельникова.

– Я тебя буду ждать на твоей остановке ровно через час

пятнадцать минут. Это нормально?

– А зачем? Зачем ты будешь ждать меня?

– Просто так. Делать мне нечего, поэтому и буду ждать.

– А-а-а, тогда конечно. А как же твои «лабы» в другом корпусе?

– Нет никаких «лаб». Я ехал, чтобы тебя встретить. Обещал же.

– Только потому что обещал? – Лиля вдруг стала кокетничать.

Стас посмотрел на нее.

– Ты такая еще школьница!

– Мне восемнадцать лет. Я поздно в школу пошла. Так получилось. Папа в Африке комбинат строил.

– Значит, ты совсем большая.

А вот сейчас Лиле не понравилась его интонация, было в ней что-то тревожное и вульгарное, хотя слова были обычными, простыми.

– Мне выходить скоро. – Лиля привстала. Стас проводил ее до выхода из автобуса.

– Ты поняла? Через час с четвертью.

– Хорошо, – кивнула Лиля.

Она вышла и пошла по улице. Хотела оглянуться, но сдержалась. В этот день английский давался ей легко. Он прекрасно сделала перевод и вдохновенно болтала с Аллой Иосифовной.

– Голубушка, ты просто создана для этого языка. Какая

же молодец и с таким произношением!!!

– Это вам спасибо. Это только вы! – ответила Лиля. Она говорила это искренне, а еще хотела всему миру добра.

– Можно я позвоню от вас родителям? Они в прошлый раз так волновались.

– Я тоже волновалась, – отвечала учительница, – ты всех нас напугала.

– Да просто у меня пяточка не было. Шла пешком домой.

– А у меня попросить не догадалась?

– Неудобно, – пожала плечами Лиля.

Она позвонила домой и предупредила маму, что немного прогуляется.

– Я позанималась, все хорошо. Но я прогуляюсь. Уроки все сделаны на завтра.

– На улице же мороз!

– А я дубленку надела.

Повисло молчание – для мамы это было неожиданностью и она не знала, как на это реагировать. Дубленка считалась «выходной» одеждой, да и любые шаги в этом направлении Лиля согласовывала с матерью. Сейчас та почувствовала досаду и беспокойство, но здравый смысл взял верх.

– Тогда – конечно. Конечно, прогуляйся. Только особо не задерживайся. И темно, и холодно.

– Мама, не волнуйся, – сказала Лиля и неожиданно добавила: – Меня один мальчик проводит. Он в этом районе тоже занимается. И ему в нашу сторону.

– Мальчик?! – Мама все же забеспокоилась. Все сразу – дубленка, вечерняя прогулка, мальчик неизвестный, который собрался с дочерью идти по темным улицам.

– Мама, не волнуйся, он студент. И я с ним знакома... давно. Так получилось.

– Господи, Лиля, прошу быть осторожной.

– Мама, мне восемнадцать лет.

– Что ты хочешь этим сказать?!

Теперь становилось ясно, что надо беспокоиться. Похоже, дочь не просто гулять собралась, но и обдумала, что позволяет ее возраст!

– Мама, неудобно. К Алле Иосифовне пришли новые ученики. Я пойду. – Лиля повесила трубку.

На улице было темно, но от снега, огней машин, окон шло какое-то сияние. «Странно, Новый год прошел, а кажется, что чуть-чуть и елку наряжать надо будет!» – подумала про себя Лиля и заторопилась к остановке.

Там ее уже ждали.

– Замерз? – спросила она Стаса.

– Нет, я успел сгонять за конспектами. Потрепались с ребятами. Ты не очень торопилась.

– Я нигде не задерживалась. – Лиле было приятно, что ее ждали с нетерпением. Хоть и происходило это нетерпение от морозной погоды.

– Мы поедем на автобусе, в нем тепло, – решительно сказала она, – а так ты простудиться можешь.

– Ты сегодня очень красивая. И модная. – Стас окинул ее взглядом.

– Хорошо, что ты заметил. Мне казалось, что мужчины такое не видят. Так, общий вид. Не более.

– Так оно есть. Общий вид красивый. Ну и еще у тебя глаза красивые.

Тут Лиля расхохоталась:

– Точно, надо ехать в теплом автобусе. У тебя голова замерзла и ты говоришь какие-то странные комплименты.

– У меня идея лучше. Пойдем в кафе? Тут недалеко наши студенты открыли бар. Нет, скорее, кафе. Знаешь, сейчас немного таких кооперативных заведений. Вот и старшекурсники подсуетились. Мы туда ходим. Там прилично. Кофе вкусный, хачапури делают и еще много десертов.

На дворе был одна тысяча девятьсот восемьдесят восьмой год. Три года назад началась перестройка, появлялись частные предприниматели, частные магазины и частные кафе. Лиля только пару раз была в таких местах. Дома мама ворчала, что готовят там случайные люди, есть там нельзя. Отец вообще ничего не говорил – он по вечерам был немногословен. И если раньше часто на кухне рассказывал маме всякие новости с работы, то теперь отмалчивался или произносил суровое: «Куда это все приведет! С ума посходили! Что со страной будет!» Лиля все это слышала, но считала отца, как вдруг стали говорить, человеком системы. «Конечно, он привык к тому, что ничего не меняется. И вот теперь его гложет

беспокойство», – думала Лиля и серьезно не относилась к переменам в доме. Семейство Мельниковых все так же ни в чем не нуждалось: они имели возможность доставать дефицитные товары и продукты, ездили отдыхать за границу, жили среди таких же людей с возможностями, Лилия радовалась новой музыке, новому ТВ, магазинам, в которых можно было купить хорошие вещи. И кафе ей тоже нравились. Это было начало пути и все с надеждой пытались освоить новое и неизвестное. И в этом старании было много радостного, светлого.

– Да, я с удовольствием пойду в кафе. И наверное, там твои приятели будут. Мне интересно было бы с ними познакомиться.

– Ну, приятели могут быть, да. Познакомлю, конечно. – Стас приобнял Лилию за плечи и они пошли в сторону метро.

Кафе было славным. Его переделали из какого-то маленького пункта металлоремонта – на стене сохранились плакаты, вывеска и прейскурант на услуги. Столики и стулья были хромированные, блестящие, короче, подходили как нельзя лучше. Стойка, за которой стоял бармен, представляла собой трубу огромного диаметра, на которой сверху была длинная столешница. Все остальное было обычным.

– Кто это придумал? – восхитилась Лилия.

– Старшенькие, – с каким-то оттенком снисхождения отвечал Стас.

– Старшенькие? – рассмеялась Мельникова. – Бабушка

так называла моих двоюродных сестер. Они старше меня на два года.

– Ну да, – покрутил головой Стас, – а мы так называем группу старшекурсников, которые сумели войти в доверие к деканату и теперь не столько учатся, сколько коммерцией занимаются.

– Но у них это получается? – с интересом спросила Лиля.

– Кафе получилось, а вот всякие там джинсы-варенки – носить нельзя.

– Ну, не все сразу. И вообще – не все. Пусть будет только одно. У нас же с кафе просто беда какая-то. Вот когда я ездила в Прагу, так там на каждом углу ресторанчики, кафе, всякие милые столовки. И туда все ходят – и пенсионеры, и школьники, и взрослые. И нет никаких швейцаров.

– Вот это здорово! А что ты в Праге делала? Тоже с родителями была, – с подозрением спросил Стас.

– Нет, у нас класс ездил. И я со всеми.

– Школа у тебя какая-то непростая.

– Ерунда. В любой школе есть такие мероприятия. У нас целый поезд дружбы был – из разных городов школьники.

– Бедная Прага, – ухмыльнулся Перов, – представляю, какого шороху вы там наделали.

Лиля рассмеялась:

– А будто ты не знаешь, что там все по струночке ходят. И все коллективно.

– Это противнее всего было.

– Почему? – удивилась Лиля. – Организованность – это не самое плохое. Я не могу быть сама по себе. Меня вечно куда-то затягивает. Мне надо, чтоб мною руководили.

Впервые за вечер Стас посмотрел на нее внимательно. И обнаружил, что девушка, сидящая перед ним, очень милая. У нее серо-зеленые глаза в черных ресницах, белая кожа и брови какие-то необычные – пепельные, пушистые. Сама она не крупная, но чувствуется в ней легкость и изящество. Про себя Перов охарактеризовал одной фразой: «Класс-девчонка!»

– Тебе говорили, что ты красивая? – спросил он Лилю.

– Мне говорили, что я интересная, – не моргнув глазом отвечала она, – родители.

Перов расхохотался:

– А твои одноклассники, черт бы их побрал, они тебе говорили, что ты – супер!

– Я с ними только уроки обсуждаю, – улыбнулась Мельникова.

«Ребенок просто какой-то. А говорит, что восемнадцать лет», – подумал Перов.

– Знаешь, я бы хотел увидеть твой паспорт, – сказал он и с наглостью посмотрел ей прямо в глаза.

– Зачем? – удивилась Лиля.

– Понимаешь, тут в некоторых коктейлях содержится алкоголь. Так вот я должен знать, не спаиваю ли я несовершеннолетнюю.

– Господи, а я даже не подумала. Да, строго как у вас. Это правильно! – Лиля засуетилась и полезла в сумочку. Перов ее не остановил, он наблюдал за ее суетой, за ее выражением лица, за ее жестами. «Она какая-то совсем другая. Ни на наших институтских не похожа, ни на этих отвязных школьниц. Хорошая такая», – думал Перов и ему захотелось ее обнять.

Лиля наконец откопала свой паспорт.

– Вот, смотри, видишь? Вот мне восемнадцать лет. – Лиля раскрыла паспорт. Перов по-прежнему смотрел на нее. Наконец, Мельникова подняла глаза и увидела его взгляд. Лиля вспыхнула.

– Ты смеешься надо мной? Ты просто пошутил?

– Нет, я же не знаю, можно тебя поцеловать или нет.

Лиля окончательно смутилась.

– Ты хочешь меня поцеловать? Уже?

– Что значит – уже? – удивился Перов. – Я хочу поцеловать тебя последние два часа.

«Как в кино!» – подумала Лиля. Ей даже в голову не приходила мысль, что она окажется в такой «взрослой ситуации».

Нельзя сказать, что ее воспитывали в строгости или в информационном вакууме в смысле отношения полов. Лиля все давно знала и о последствиях была предупреждена и мамой, и разными школьными историями. И на Стаса Перова она смотрела уже как на мужчину, а не школьника-сверстни-

ка. Но вот темп, с которым развивались события, и разговор, который возник, ее все же смущал. В ее понимании, должны были быть прогулки, театр, музей, просто беседы по телефону. А тут было кафе и весьма щекотливый с полунамеками разговор. Перов это понял и сбавил темп.

– Ты не обращай на меня внимания. Знаешь, в институте приняты незамысловатые отношения. Говорят не подумав, поступки спонтанные, иногда просто хулиганские, – Перов улыбнулся, – знаешь, студенчество всегда было таким.

– Как же я хочу учиться в институте! Как мне надоела школа!

– Так тебе осталось всего ничего! Еще каких-то несколько месяцев и ты – свободный человек. Куда поступать хочешь?

– Не знаю. Хотела на психологию. Но там нужен опыт работы. Впрочем, есть один факультет в университете. Там и психология есть, и прикладная специальность.

– Да, ты серьезная девушка.

– Да, – просто согласилась Лиля, – без этого нельзя. Родители не вечны. Надо специальность иметь. А на мужа рассчитывать нельзя. Вот у моей двоюродной сестры муж ушел к другой женщине. Она осталась с ребенком.

– Бывает, – кивнул Перов, – и ты правильно рассуждаешь.

Впрочем, Перову было не очень интересно, что случилось с сестрой Лили, он хотел понять, как вести себя с такой девушкой. Она ему нравилась, очень нравилась, но в ней было столько детского, что даже за руку взять ее он не решался.

«О чем я думаю! Как пойдет, так пойдет!» – решил он и заказал им коктейли. Во избежание неприятностей, Лиле был заказан безалкогольный напиток из сока с содовой.

Они просидели в кафе около часа. Лиля, несмотря на увлеченность разговором, успевала смотреть на часы. Наконец, Перов не выдержал:

– Тебе домой надо?

– Да, – виновато кивнула Лиля, – мне очень интересно с тобой и здесь такая у атмосфера. Но я обещала родителям.

– Давай, мы посидим еще минут двадцать, а домой я отвезу тебя на машине. На такси? Идет?

Лиля задумалась. Ей было очень хорошо с Перовым, нравилось, как заходили сюда студенты, здоровались с ним, потом «делали глаза», мол, девчонка – класс. Лиле это все было и в диковинку и в радость. И Стас вел себя предупредительно и заботливо. Но время было неумолимо, и ссориться с родителями не хотелось, не хотелось подрывать их веру. Во-первых, они волновались, во-вторых, впереди могли быть новые свидания.

Наконец, она решилась:

– Да, отлично. Так и сделаем.

Остаток вечера она провела, слушая забавные рассказы Перова о том, как пишут шпаргалки и сдают сессию.

Когда они вышли из кафе, было поздно и очень морозно. Машину Стас поймал сразу – в конце восьмидесятых уже появились частники, занимающиеся извозом. Доехали до дома

Лили они быстро, на прощание Стас поцеловал ее в щеку.

– Иди осторожно, скользко, – сказал он и добавил: – Я тебе позвоню.

– Хорошо. – Лиля вышла из машины и пошла к подъезду. У подъезда ее окликнули.

– Кира?! Заболоцкая! – изумилась Мельникова. – Ты что здесь делаешь?! Холодно! Почему не зашла к нам?!

– Вот вместе и зайдем! – сурово произнесла подруга. Озадаченная, Лиля открыла дверь и пропустила подругу вперед.

В холле было очень светло, молодой человек с военной выправкой, который сидел вместо консьержа, при виде Лили встал и вежливо поздоровался.

– Добрый вечер, Александр Петрович, – отвечала ему Мельникова, – родители уже дома?

– Да, все дома, – улыбнулся тот.

В лифте Кира язвительно сказала:

– А ему не положено отвечать, кто дома, а кто – нет. Он же охранник.

– Не знаю, – пожала плечами Лиля, – я даже не задумываюсь, кто он. Просто приятный вежливый человек, который здесь работает.

– Конечно, ты о вашей Власе не задумываешься. Просто приятная тетка, которая вывозит у вас грязь.

Мельникова с удивлением уставилась на Киру.

– Во-первых, никто грязь у нас не вывозит. У нас ее нет.

– Потому что Власа работает у вас, – с каким-то упрям-

ством повторила Кира.

– Во-вторых, она тебе не Власа, а Власа Алексеевна. И мы к ней только так обращаемся. И за глаза тоже так называем, – Лиля разозлилась, – еще не пойму, почему ты цепляешься ко всему.

– Я не цепляюсь, – усмехнулась подруга, – я просто называю все своими именами. А ты предпочитаешь эвфемизмы. Знаешь, это когда муж с женой говорят не «займемся любовью», а «мы будем»?

– Господи, да ты сегодня в ударе!

Кира не успела ответить – лифт остановился на нужном этаже.

Когда Лиля открыла дверь, их встретили сразу оба родителя. Увидев Киру, они удивились, но удивление сразу сменилось радушием и мать поспешила на кухню.

– Ужинать, сразу ужинать! Девочки, за стол!

Отец топтался в прихожей, неловко помогая снять Лиле и Кире верхнюю одежду.

Когда все прошли в большую гостиную, отец обратился к Лиле:

– Ну, как твое свидание? Все хорошо? Расскажи, что за мальчик!

Лиля на мгновение опешила, а потом, увидев еще более удивленное лицо Киры, просто сказала:

– Папа, знаешь, по-моему, он неплохой парень. Студент, хороший институт имени Губкина. Нефтью и газом зани-

маться будет. Планирует уехать поработать на месторождение. Куда-то в Сибирь. Он даже город назвал, не я не запомнила.

– Похвально. Это хороший поступок. Не в Москве сидеть, а именно работать по специальности. Ты же знаешь, прежде чем осесть в Москве, мы с твоей мамой где только не жили, что только я не строил!

Тут отец повернулся к Кире:

– Кирочка, поколение наше, твоих родителей прошло через живой, настоящий труд. Это очень важно в жизни.

– Не знаю, через что прошли мои родители, но ничего так и не добились. Живем в коммуналке, машины нет, есть огород за сто километров от Москвы. Не знаю, какой такой труд мог бы привести к таким результатам. Может, не стоило им тогда напрягаться?

Мельников слегка опешил. Он не привык к такой «правде жизни», он предпочитал бы некоторую дипломатичность в оценках. Например: «моим родителям не повезло, они очень старались, но не смогли достичь всего, чего хотели. Но они любили свою работу».

– Э, понимаешь, Кира. Жизнь намного сложнее, чем мы ее себе представляем. И на нашу жизнь иногда оказывают влияние совсем неожиданные вещи. Иногда серьезные, а иногда мелочи. Мы им и значения не придаем.

Лиля, которая очень удивилась поведению подруги, внезапно сказала:

– Твоя мама рассказывала, что ухаживала за твоей бабушкой, когда та долго и безнадежно болела. И что ей пришлось уйти с работы, пришлось подрабатывать по вечерам. Когда уже приходил с работы твой папа. И так было несколько лет. Вот, например, то обстоятельство, которое могло повлиять на ход событий.

– Ну да, было такое. Меня тогда еще отправили в другой город, ко второй бабке.

– Бабушке, – машинально поправил Киру Мельников.

– Ну, бабушке... – согласилась Кира.

В это время уже был накрыт стол и все перешли в столовую.

– А мы едим на кухне, – вдруг сказала Кира.

– А мы знаем это. Ты это уже всем говорила, – резко ответила ей Лиля.

– Девочки, вы что-то сегодня воинственны, – улыбнулась мать Лили.

– Мы просто устали от бесконечных контрольных и тестов, – миролюбиво заметила Лиля, – Кира, давай чай попьем у меня в комнате. Мама, папа, вы не против? Нам надо по физике кое-что сделать. Завтра спрашивать будут.

– Конечно, сейчас вам на поднос все поставлю, – захлопотала Тамара Леонидовна.

Когда захлопнулась за дочерью и ее подругой дверь, отец вздохнул:

– Вот. Они совсем взрослые. А за окном, как назло, пол-

ный бардак. И куда он приведет – одному Богу известно. Старался, старался, думал дочери наследство будет – связи. А сейчас связи рвутся, как гнилые нити. И все тянут в разные стороны. Голову подняли барыги.

– Что, так все серьезно? Так все плохо? – спросила Тамара Леонидовна.

– Хуже. Непонятно, – махнул рукой Мельников и скрылся в кабинете.

Тамара Леонидовна посидела некоторое время за столом с грязной посудой, потом сходила за подносом и стала убирать.

А тем временем в комнате Лили разыгрывалась сцена. Ее истоки были непонятны никому из участников, но накал страстей был нешуточным.

– Ну, я видела, как ты приехала. Ты с этим своим студентиком была.

– Кира, ты слышала, что сказал папа? Это не студентик. Это студент серьезного вуза, где дают прекрасную специальность, где люди работают и головой и руками. И у него будущее есть. Он может работать в любой части страны.

– Я не об этом. Он взрослый мужик. У него девушек полно. Куда ты лезешь? Ты что, готова идти до последнего?

– До чего? – не сразу поняла Лиля. – Кира, я даже не думаю об этом. Почему тебя это так волнует?! Я просто познакомилась с человеком. Мы впервые с ним ходили в кафе. Много разговаривали.

Лиля вдруг вспомнила, как Кира еще пару дней назад заявила, что никакой второй встречи не будет, что этот парень забудет про нее сразу же. Поэтому Мельникова с нажимом произнесла:

– Отличная встреча. Он тоже думал обо мне всю эту неделю.

– Ты – дура, что в такое веришь. И помни, что ранняя беременность может искалечить всю жизнь.

– Кира, это ты – дура. Полная. Во-первых, грубишь весь вечер, во-вторых, лезешь не в свое дело. Ты отказалась со мной обсудить эту историю, а сейчас пытаешься на меня повлиять. Нет, спасибо, теперь мне советы не нужны и делиться новостями с тобой у меня нет охоты. Жаль, что ты такая злая сегодня.

Кира ничего на это не сказала, она вышла из комнаты и направилась к выходу. Из кухни выглянула Тамара Леонидовна:

– Кирочка, маме передай вот это сверток. Мы с ней договаривались.

– Нам ничего не надо, – буркнула Кира, но за мягкостью Тамары Леонидовны был характер. Поэтому она уже с металлом в голосе сказала:

– Я это передаю твоей маме. И очень прошу не забыть ей отдать. Спасибо, Кирочка.

Кире ничего не оставалось, как взять сверток.

Когда за Кирой захлопнулась дверь мать спросила у Лили:

– Что это с ней сегодня?!

– А я почему знаю, – пожала плечами та, – мне нагрубила тоже. Просто так.

Лиля скрылась в комнате и набрала номер Стаса. Они так условились.

– Привет, – тихо сказала она, – я дома и у меня все хорошо.

– Я рад, – произнес тот, – спокойной ночи. Завтра созвонимся?

– Да, – сказала Лиля, положила трубку и счастливым взглядом посмотрела на красный кнопочный аппарат. – Зайчик ты мой, телефончик, – ласково проговорила Лиля.

Спала она в эту ночь крепко. Снился ей почему-то учитель физики, который разрешил на своих уроках прыгать через скакалку.

Стас Перов рос тоже во вполне обеспеченной семье. Его отец был начальником, только заведовал он небольшой фабрикой, где делали школьные тетради. Тогда, давным-давно, монополистом подобного производства была фабрика «Восход». Но во всех городах были маленькие фабрички, которые помогали гиганту удовлетворять спрос страны на подобную продукцию, блокноты, записные книжки и прочую канцелярщину. Пост отец Стаса занимал небольшой, но получал деньги неплохие. В доме был достаток. К чести родителей, они сына воспитали в убежденности, что высшее образование необходимо, а для этого надо в школе учиться хо-

рошо. Мама Стаса к каждому празднику преподносила разным педагогам подарки в виде японских зонтов или чешских бокалов, но в этом не было необходимости. Мальчик и так учился прекрасно. Вот к окончанию школы он вдруг сбавил обороты и по некоторым предметам нахватал троек. Отец, который никогда не вмешивался в процесс воспитания, как-то вечером задал ему вопрос:

– Ты куда поступать собираешься-то?

– Не решил еще, – пожал плечами сын.

– То есть до выпускного два месяца, а ты не решил?

– Угу, – мотнул головой Стас.

– Понятно, – промолвил отец и сказал: – Ты имей в виду, что времена хорошие заканчиваются. Год-другой и наша замечательная экономика... того... – Тут отец выразился иначе, грубо, матерно. – И мой заводик в том числе. Накоплений наших хватит на пару месяцев в условиях того бардака, который вот-вот наступит.

– Да, ладно тебе пап! – удивился сын таким речам. – Смотри, у нас перестройка, вон коммерция пошла, на рынках всего столько продавать стали.

– Ага, только в магазинах пусто, а тетки из Литвы на ящиках сыром колбасным торгуют. А мясо ты видел в магазинах?

– Пап, я в магазины не хожу.

– То-то. – Отец откинулся на спинку стула и слегка повернул голову в сторону кухни. Он знал, что мать оттуда прислушивается к беседе отца и сына.

– Пап, я понял, – протянул Стас, ожидая знакомых речей.

– Нет, не понял, – покачал головой отец, – не понял. Я тебя не заставляю учиться. Ты умный и способный. Умнее и способнее меня. Я просто не хочу, чтобы стал нищим или бандитом.

– Пап, ты чего?! – Стас даже опешил от таких перспектив.

– Я знаю, что будет, когда все накроется медным тазом. Понимаешь, я не в телевизоре сижу. Я работаю. Я знаю, что у поставщиков, что в других городах у смежников. Я отлично понимаю, куда все идет. И очень скоро побеждать будут сильные, умные и наглые. Вот, я хочу чтобы ты был умным, а потому сильным. Но не наглым. Наглые долго не живут. Знаешь, после войны такое было – бандиты, воры всех калибров, скупщики, спекулянты. Но это было после войны. После беды. А сейчас...

– Что ж вы это все это... – Стас запнулся, – не спасли, не уберегли? Что ж вы ввали нам? Про съезды и партию? Про социализм и страны социализма? Где они все? В Польше вон «Солидарность» всю орудует.

– Не отвечу. Не знаю. Знаю одно – учись, пока есть возможность, и поступай в тот институт, который обеспечит тебя работой. А знаешь, чего у нас больше всего?

– Чего?

– Газа и нефти. И так будет всегда. Во всяком случае, на жизнь твою, твоих детей и твоих внуков хватит. Поэтому поступай в такой институт, который всем этим занимается.

Стас долго был под впечатлением от этого разговора. Он стал внимательнее относиться к тому, что происходило вокруг, и за новыми свободами и новой явью видел то, о чем ему рассказал отец. Счастливее он от этого не стал, но стал напористее, упрямее и трудолюбивее.

Поступил в институт он без труда – большинство сверстников шли в гуманитарные вузы, шли работать или вдруг начинали свое дело. Впрочем, все эти новые фирмы или кооперативы долго не существовали. Стас упрямо учился, родители поддерживали его, снабжая небольшими карманными деньгами. Но вот к моменту знакомства с Лилией Стас уже и сам зарабатывал, помогая отцу на фабрике. Работал он разнорабочим, упаковывал и грузил готовую продукцию. Работал на общих основаниях, зарплату получал в соответствии со штатным расписанием.

И отец, и мать боялись ранней женитьбы. Им хотелось, чтобы сын получил диплом и устроился на хорошую работу.

– Потом уже можно и жениться! – говорил отец.

Очень быстро Зинаида Васильевна обнаружила, что Стас задерживается по вечерам, долго разговаривает по телефону в своей комнате, более того, вдруг стал слушать классическую музыку.

– Ты полюбил Шопена? – удивилась мать. – Хочешь, я тебе билеты в консерваторию достану?

– Хочу, – обрадовался Стас, сначала смутившийся, что его застали за таким занятием, как слушание ноктюрнов Шопе-

на.

– Хорошо, – кивнула Зинаида Васильевна и как бы невзначай поинтересовалась: – Тебе один или два?

– Два, – отвечал сын.

– С девушкой пойдешь? – напрямую спросила мать.

– Ага, с девушкой.

– С той самой, с которой по вечерам гуляешь, а потом еще и по телефону разговариваешь?

Мать видела, что сын смущен, и ей так хотелось с ним поговорить о личном. У Стаса был контакт с родителями, но в этой истории Зинаида Васильевна чувствовала что-то необычное. «Он влюбился. По-настоящему влюбился! – думала она. С одной стороны, это ее радовало, с другой – беспокоило. – Господи, а Николай узнает! Как отнесется он к этому?!» – с тревогой подумала она про мужа.

Стас решил отмолчаться. Он не знал, как рассказать матери, что влюбился в школьницу.

Билеты Зинаида Васильевна достала, на концерт классической музыки они сходили. Сам факт приглашения на такое мероприятие повысил шансы Стаса. В доме Лили заговорили о Стасе Перове, как о «мальчике серьезном, культурном и воспитанном».

Впрочем, глава семейства весть, что дочь встречается с молодым человеком, воспринял почти равнодушно. Во-первых, он знал, что жена держит руку на пульсе событий, а во-вторых, его больше волновало, что поставки смежников по-

что прекратились, все годовые планы летели под откос и появились все признаки инфляции – из банка привозили новенькие, только что отпечатанные сотенные купюры. Такого не было никогда – сотрудники получали зарплату пятерками и десятками. Потому Шопен и консерватория прошли мимо него. Тамара Леонидовна воспользовалась культпоходом дочери:

– Пожалуйста, зайдите после концерта. В кафе не попасть в это время, а чаю выпить было бы хорошо. Я пирог буду печь.

Лиля, помнится, тогда удивилась такому предложению и расценила его как своего рода контроль.

– Мама, одна встреча ничего тебе не даст. Стас может стесняться, что-то не так сказать, а ты уже составишь о нем мнение. Человека надо постепенно узнавать.

Мать внимательно посмотрела на дочь:

– Первое впечатление твое было именно таким? Неправильным? А сейчас ты считаешь, что он почти идеал?

– Господи, – отмахнулась Лиля, – мама, ты всегда все не так понимаешь. Я всего лишь навсего сказала, что не жди от этой встречи многого. Человек будет смущаться и может совершить ошибку.

– Твоя мать не дура, и отец не выжил из ума. Мы все правильно пойдем, – отвечала Тамара Леонидовна.

На концерт Лиля надела черное бархатное платье, которое привез ей отец из командировки. Тамара Леонидовна дава-

ла очень строгие и очень точные указания, когда муж ехал в Париж. Дело в том, что точно такое платье было у одной из соседок Мельниковых. И Тамара Леонидовна видела из окна, как эта соседка, молодая женщина, дочь высокопоставленного чиновника, вечером садилась в машину. Мельникова была потрясена элегантным видом и уже через пару дней стояла с тарелкой кексов перед дверью соседки.

– Юлечка, – сказала она, – не смейте отказать, сдайте явки и пароли. У нас Лиля на выданье, а ваше платье потрясло мое воображение, – произнесла Тамара Леонидовна, как только соседка пригласила ее войти.

– О чем вы? – не поняла та, но тарелку с кексами взяла сразу же. – Как же вы готовите! Просто кулинарные шедевры.

Уже через час в руках у Мельниковой-старшей был листок бумаги с названием магазина, тщательно переписанная информация с ярлыка и даже набросок платья.

– Может, мне заказать сшить? Ателье в ГУМе прекрасно справляется с задачами, – задумчиво произнесла Тамара Леонидовна.

– И не пытайтесь! – безапелляционно сказала соседка. – Они сошьют. И это будет прекрасное платье. Но несколько другое. Все же во французских вещах есть шик. Необъяснимый.

И тут Тамара Леонидовна ничего возразить не смогла. Следующим шагом было выяснение у мужа, когда он отправится в заграничную командировку. Такие случались

приблизительно раз в месяц. И было совершенно непонятно, что начальнику стройтреста делать, допустим, в Португалии или во Франции, но тем не менее туда ехала целая делегация. По прибытии на место они осматривали муниципальные сооружения, знакомились с достижениями в строительстве, с планами, с архитектурными решениями. Впрочем, вернувшись в Москву, почти ничего из увиденного они не брали на вооружение. Тамара Леонидовна как-то спросила:

– Но почему? Ведь так удобно – закрыть подъезд на ключ. Чисто, не страшно...

Мельников посмотрел на нее и сказал:

– Чтобы нам сейчас закрыть подъезды на ключ, надо поменять всю систему. Всю политико-экономическую систему. Это смешно, но это так. Система не подразумевала ключа у каждого жильца. А теперь внедрять поздно. Хотя это и глупо. Можно и сохранить, и приумножить. Да, видно, в нашем отечестве так не умеют! – Петр Вениаминович горько вздохнул.

Но вернемся к платью. Наконец муж за ужином произнес:

– В четверг улетаем. Готовь чемодан. Две белые рубашки, одна голубая, одна в клетку или в полоску. Поеду в темном костюме, в чемодан положи серый и вельветовые брюки. Будем ездить по каким-то хозяйствам, в которых специальные кирпичи делают.

– А куда едете-то? – замирая, спросила Тамара Леонидовна.

– Я разве не сказал? Во Францию.

– И что же, и в Париже будете?

Николай Николаевич поднял глаза на жену. Или она была сегодня непонятливой, или он устал и давал неполную и неточную информацию.

– Самолет Москва – Париж. Потом дальше поедем.

– Отлично! – произнесла Мельникова-старшая, – значит, я тебе объясню, что ты обязан привезти из Парижа.

В ее тоне был металл и непреклонность. Петр Вениаминович хотел было вспылить, но, узнав, что дочери надо купить особенное платье, смягчился. «В самом деле, что это я. Единственная дочь. Хорошая дочь. Как она будет жить без нас. Кто ее будет баловать. И будет ли баловать. Почему бы не купить это чертово платье. Радости будет у всех – у нее, у Тома, у меня!» – думал он, глядя, как жена раскладывает перед ним бумажки с информацией.

– Привезу, не бойся. Давай рассказывай, что там надо купить! – сказал он и приобнял жену. Все чаще ему было уютнее и спокойнее дома. Чем больше непонятного и тревожного происходило за стенами квартиры, тем безопаснее ему казался этот уютный старый мир.

Платье было найдено, только размер не подходил дочери, а другого не было. И все же Мельников купил это платье. Из красивого чехла он достал его со словами:

– Тома, дети имеют обыкновение вырастать. Вот и наша дочь вырастет. И будет в нем ходить.

Тамара Леонидовна недолго сокрушалась – куда семикласснице было выходить в роскошном платье? А муж прав, время идет быстро.

И вот уже Стас Перов шепчет на ухо Лиле:

– Ты – потрясающе выглядишь! Ты очень красивая! На тебя все смотрят.

– А если бы не смотрели? – усмехнулась Лиля. – Ты бы не считал меня красивой?

Перов смутился:

– Я хотел сказать, что ты очень красивая. И это вижу не только я, но и остальные.

Лиля улыбнулась – ей так нравилась эта игра – взгляд, комплимент, прикосновение. Она уже была влюблена в Стаса, только себя обманывала, говорила себе, что ей нравится не он сам, а то, что он старше, что умеет себя вести в разных ситуациях, и это делает их отношения «взрослыми», такими, как принято их представлять.

После концерта, когда Стас довел ее до подъезда, она сказала:

– Мама ждет нас. Она хотела бы с тобой познакомиться.

– Хорошо, – пожал плечами Перов. Было видно, что его это не испугало и не смутило.

Консьерж со спортивной выправкой, два лифта, красная ковровая дорожка в холле первого этажа – если все это и произвело на него впечатление, то виду он не подал. Тамара Леонидовна открыла дверь, сразу же захлопотала и пошла

накрывать на стол, одновременно задавая вопросы о концерте.

– Понравилось? Я так боялась, что вы уйдете раньше, не дослушаете...

– Очень хороший концерт, прекрасные исполнители, – серьезно отвечал Перов, – я всегда считал, что Селиверстов прекрасный музыкант. Лучше него никто такие вещи не играет.

– Откуда вы знаете? – изумилась Тамара Леонидовна. – Откуда вы знаете про Селиверстова?

– Знаю, я не очень увлекаюсь классической музыкой, но если слушаю, то предпочитаю исполнителей первого ряда.

– Даже так... – Мельникова внимательно оглядела парня. «Красивый. Очень. Породистый, – подумала она и тут же себя одернула, – господи, что это я?! Совсем с ума сошла! И манеры у мальчика хорошие – помог Лиле пальто снять. Держится просто. Интересно, кто его родители? Надо бы выведать. Лиля, скорее всего, даже понятия не имеет. Впрочем, это правильно...» – думала она.

Между тем Лиля и Стас уже сидели за столом и с аппетитом ели пирог.

– Мама очень хорошо готовит, особенно у нее торты получаются хорошо, – сказала Лиля.

– Вкусно, да, – кивнул Стас, – у нас и мама хорошо готовит, и папа.

– Папа?! – удивилась Лиля. – А у нас папа только работает

у себя в кабинете.

– Петр Вениаминович занимает руководящую должность в строительстве, все время в своих бумагах и на совещаниях, – сказала мама Лили.

Стас внимательно посмотрел на Тамару Леонидовну.

– Какое совпадение, мой папа тоже руководит. Фабрикой. На которой печатают тетради и делают разные канцелярские товары.

Мельникова-старшая скрыла улыбку – ее развеселило сравнение. Одно дело – Петр Вениаминович – величина в масштабах восьмимиллионной Москвы, и другое дело – директор малюсенькой фабрики. Но, с другой стороны, ей понравилось, что парень гордится родителями.

– А мама работает?

– Нет, мама дома сидит. Но раньше работала. В библиотеке.

– А, это очень сложно... – глубокомысленно заметила Тамара Леонидовна.

– И тяжело, и как-то... – Стас замялся, – и как-то очень... Даже не знаю, как сказать... Понимаете, билеты на этот концерт нам достал музыкант, которому надо достать обои для ремонта. А тот, кто достанет эти обои, нуждается в каких-то хвостах.

– В чем? – изумилась Лилия.

– В хвостах. Бычьих. Из них что-то делают. Но они – дефицит. Не достать, а мама сумела. У нее связи на базах.

– И на базах наших скоро ничего не будет, – раздался зычный голос Мельникова.

Стас вскочил и поздоровался с хозяином дома.

– Петр, не пугай детей!

– А чем тут можно испугать? Наша дочь не будет ходить в платьях из Парижа, а молодой человек будет стоять в очереди в кассу, – отвечал Петр Вениаминович.

– Думаете? – задумчиво посмотрел на него Стас. – Если так, то ничего страшного. Плохо будет, если концертов не будет. Такое тоже может быть.

Мельников внимательно посмотрел на парня. Тот вслух произнес то, о чем он, взрослый, прошедший достаточно сложную карьерную жизнь, даже боялся подумать.

– Почему вы считаете, что такого может не быть? Не может быть нормальной культурной жизни?

– Я читал о Чили. Там тоже наступили перемены. Потом была хунта. Страшно читать.

– Где вы читали?

– В «Иностранной литературе»¹. Там воспоминания тех, кто жил в те годы в стране.

– Ужас, кошмар, но сейчас... – Тамара Леонидовна попыталась перевести разговор в другое русло. Но Петр Вениаминович остановил ее жестом.

¹ «Иностранная литература» – советский и российский литературно-художественный журнал. Специализируется на публикации переводной литературы. Основан в июле 1955 года. (Здесь и далее прим. ред.)

– Значит, в «иностранке» читали?

– Да, мы переехали на новую квартиру, а там были подшивки. От старых хозяев.

– Я надеюсь, что такого не случится у нас, – вздохнул Мельников, – но перемены грядут. Все ли с ними согласятся, вот вопрос. Люди обозлены.

– Чем? – удивился Стас. – Сейчас так хорошо стало. Музыка любая, говори, что хочешь, телевидение другим стало. А это важно. «Взгляд»², Невзоров из Ленинграда. А еще можно коммерцией заниматься. Это тоже немаловажно. Получается, что кое-что зависит от самого человека.

– Да, пап, мы тут в таком кафе были. Однокурсники Стаса открыли. В помещении бывшего металлоремонта.

– Сами все сделали. Сами и работают. И у них все классно так.

– А почему они не открыли такую же мастерскую?! – неожиданно спросила Тамара Леонидовна. – Ведь она нужна была людям. Ключи сделать, молнию отремонтировать, сумку.

– Почему, как думаешь? – Лиля спросила у Стаса.

– На алкоголе легче заработать, – усмехнулся тот.

– Вот как получается. На алкоголе легче заработать! – воскликнул Мельников.

– Ладно, давайте чай пить, а то ребята под таким впечат-

² «Взгляд» – информационно-развлекательная телепрограмма Центрального телевидения. 1987–2001 годы.

лением после концерта, а мы тут о грустном.

– Да, концерт – отличный, спасибо твоей маме! – воскликнула Лиля.

– Между прочим, это платье я дочке из Парижа привез! – вдруг похвастался Петр Вениаминович. – Тома мне все наводки дала, а я уж там искал-искал...

– Ладно тебе, поди твоя Зверюгина искала. Ты ей поручил, – хмыкнула Тамара Леонидовна. Было понятно, что подшучивать над некой Зверюгиной и Петром Вениаминовичем здесь было нормой.

– Зверюгина?! – расхохотался Стас, а вслед за ним рассмеялись все остальные.

– Это помощница папы. Калерия Никаноровна.

– Еще и Калерия Никаноровна, – продолжал смеяться Петров.

– А что, очень деловая тетка. Ей уже очень много лет, но она ездит со мной во все командировки и цены ей нет. Четыре языка, стенография, умение разбить палатку на Северном полюсе и высечь огонь из полена. Она умеет решительно все.

– Только характер – звериный, – улыбнулась Тамара Леонидовна.

– Да, она не любит моих домочадцев. Но я же не могу заставить ее полюбить их. Работает отлично, на том и спасибо.

– Но платье же нашла для вашей дочери? – улыбнулся Стас. – А это говорит о многом.

– Верно подмечено, молодой человек. – Мельников одоб-

рительно покачал головой.

Стас уезжал поздно. Так поздно, что Тамара Леонидовна попросила соединить ее с Зинаидой Васильевной.

– Пожалуйста, позвони домой и дай мне с мамой твоей поговорить. Вы хоть и взрослые люди, но мы тебя задержали, а потому отправим на такси и поговорим с твоими родителями.

Стас долго отнекивался, но Мельниковы настояли.

– Зинаида Васильевна, это мама Лилии. Ваш Стас у нас, мы пили чай, они рассказывали о концерте. Сейчас мы отправим вашего сына на такси. Не волнуйтесь, мы просто обязаны так сделать. Мы тут с мужем разговор такой интересный затеяли, что счет времени потеряли. Да-да, приятно познакомиться...

– Я сам на такси доеду, никуда отправлять меня не надо. – Перов это произнес таким тоном, что даже Мельников не решился возразить.

– Ты уже тогда позвони нам, как дома будешь, – попросила его Тамара Леонидовна. Родители вышли из прихожей, чтобы дать попрощаться Лиле и Стасу.

– А здорово так все получилось. И поговорили, и посидели, – сказала Лиля.

– И познакомились, – подмигнул Стас. Он не стал целовать Лилю, сочтя это неуместным в данной ситуации.

Спустя час он позвонил и сообщил, что дома.

«Хороший парень», – к этому мнению пришли Мельни-

ковы в результате этого чаепития.

1990 год

Совсем скоро, когда Лиля уже была студенткой филологического факультета, а Стас перешел на третий курс института имени Губкина, родители решили познакомиться. Инициатором была мама Стаса: Зинаида Васильевна позвонила Мельниковым.

– Понимаете, вы же у нас не были ни разу. Даже Лиличка на одну минуту заглянет, и они уходят. Поэтому позвольте нам вас пригласить.

Мельниковы согласились с удовольствием. Им было интересно познакомиться поближе с родителями Стаса.

А Перовы жили намного скромнее Мельниковых. И дом у них хоть и был ведомственным, но люди в нем жили разные – и рабочие швейной фабрики, и сотрудники научно-исследовательского института, и те, кто приехал в Москву «по лимиту» на стройки, а теперь вот получил жилье. До знакомства с Лилей Стас не задумывался о том, в какой подъезд он входит, в каком лифте поднимается на свой этаж. Более того, он не сравнивал уют и достаток своей квартиры с лестничной клеткой, где зачастую стоял запах из мусоропровода и доживали свой век стулья, выброшенные соседями. Побывав в доме Мельниковых, он ощутил разницу на практике.

– У нас все намного проще и... не так аккуратно, – сказал он Лиле. – Дом у нас простой, люди иногда мусорят.

– У нас тоже мусорят, просто есть кому за ними убирать! – возразила Лиля. – Задача – научить не мусорить.

– Верно, – ответил Стас и в этот же вечер написал объявление, которое прикрепил на мусопроводе. «Соседи, будьте сознательными, аккуратно выбрасывайте мусор не храните хлам на лестничной клетке!»

На следующее утро у мусоропровода была горка картофельных очистков. Стас знал, где искать следы. Он позвонил соседям напротив.

– Уберите за собой!

– Это не мы! – сразу же ответили соседи. Дверь открыла жена, позади маячил муж.

– Вы, я видел.

Соседи что-то загалдели и попробовали закрыть дверь. Но Стас был сильным. Он придержал рукой дверь и отчетливо произнес:

– Иди и убери. И помой еще за собой. А в следующий раз схлопочешь. Да так, что не обрадуешься. А еще стукну ментам. Про твой самогонный аппарат весь подъезд знает!

После этого он спокойно вернулся к себе домой. С лестничной клетки донеслась тихая возня. Когда она стихла, Перов проверил пол у мусоропровода. Было чисто. «Ну вот. Так и будем поступать!» Еще он сходил в ЖЭК и потребовал, чтобы уборщицы тщательно убирали.

– Где ж мы уборщиц найдем? – спросили его.

– Вы меня спрашиваете? – поднял бровь Стас. Он уже по-

нял, что надо иногда блефовать. Надо быть наглым, решительным и давать понять, что за тобой стоит некая сила. «Пока нет сознательности, придется действовать такими методами», – подумал он.

Родители решили, что что их взрослые дети в начале обеда присутствовать не будут.

– Пусть погуляют, в кино сходят. И вообще им есть чем заняться. А мы тем временем обсудим все вопросы. Раз уж они все решили, наша задача понять, как мы им сможем помочь, – сказала по этому поводу Зинаида Васильевна.

Мельниковы опять согласились. «Правильно, может возникнуть неловкость в обсуждении финансовых вопросов, зачем им это слышать?» – поддержала ее Тамара Леонидовна. Вообще, ей мать Стаса нравилась. Они несколько раз беседовали по телефону и чаще всего имели схожее мнение по важным вопросам. Отцы не встречались и не разговаривали.

Когда Мельниковы подъехали к дому Перовых, Тамара Леонидовна поморщилась:

– И район так себе, и дом нуждается в капитальном ремонте, и контингент еще тот. – Она кивнула в сторону каких-то забулдыг.

– Знаешь, мы с тобой вообще в рабочем общежитии жили. Ты помнишь, как это было? – буркнул Петр Вениаминович.

– Помню, но при чем тут это?

– А при том, что у всех по-разному жизнь складывается. Сама мне рассказывала про Киру Заболоцкую. Как она о ро-

дителях собственных отзывалась. И как тебе это не понравилось.

– Да, ты прав. Больше не буду. А Кира меня волнует. Они с Лилей дружат, но как бы это сказать... Чувствую я в Кире опасность. Она жесткая, резкая и боюсь, в чем-то завидует Лиле. А зависть – это бомба замедленного действия.

– Господи, как же ты быстро находишь повод для волнений! Они знают друг друга с малолетства и многое было уже. Я же тоже помню, хоть и ругаешь ты меня, что в кабинете все время торчу.

– Сейчас – они взрослые молодые женщины. У каждой из них уже любовь.

– Наша дочь... – Петр Вениаминович запнулся.

– Да, а чего бы ты хотел? Чтобы она вела, как я себя вела?

– А что в этом плохого?

– Ничего, но, оказывается, можно иначе. И тоже ничего плохого.

– Почему ты ничего мне не сказала?

– А как ты себе это представляешь? Я вхожу к тебе в кабинет и произношу – наша дочь переспала со своим молодым человеком? Нет, дорогой, она мне доверилась, я ее не выдала. Но посоветовала быть осторожной. А что бы ты ей сказал? Если бы узнал?

– Знаешь, может, это и хорошо... – вдруг произнес Мельников.

– Что именно?

– То, что у них отношения. Может, и поженятся. Семья – основа всего. Особенно в такое время.

– Наконец-то! Правильно все говоришь, – улыбнулась Тамара Леонидовна.

– А ты не ворчи, что у них такой дом, подъезд и прочее.

– А я и не ворчу, – миролюбиво сказала жена.

Стол был накрыт просто, по-домашнему.

– Мясо я сама мариновала и запекала. Это мой рецепт бу- женины, а это огурцы и патиссоны. Я их снимаю, когда они малюсенькие, и получается великолепная закуска, – приго- варивала Зинаида Васильевна.

Мельниковы ели с аппетитом и нахваливали. Действи- тельно, все было вкусно.

– Петр Вениаминович, а пойдем со мной на кухню, я тебе покажу кое-что, – сказал Перов.

– Он вам покажет настойку на перце, – сказала Зинаида Васильевна, – она крепкая – огонь. Но под нее хорошо гово- рится.

– Вот-вот, а вы тут о платьях разговаривайте.

Мужчины исчезли на кухне. Там Перов достал рюмки, вя- леное мясо, огурчики и огромный красивый штоф.

– Дедовский, – пояснил он, – это и еще немного – посу- ды кузнецовской. Все, что осталось от большого купеческо- го хозяйства. Было серебро и золото, но это семья проела в черную годину.

– Ясно, – отвечал Мельников, – нам проедать нечего было.

И мало наших, Мельниковых, осталось. Пусть ребята дружат. Они у нас хорошие. Может, поженятся.

– Прекрасный тост. Самый главный. – Перов разлил настойку. На свет она была чуть зеленоватой. Выпили, у Петра Вениаминовича аж душу в кулак скрутило.

– Ну, зелье!

– Верно, зелье! – согласился Перов. – Повторим, а потом и перерыв сделаем. Я уже знаю, как пить надо.

– Доверяю, – согласился Мельников. Ему все больше и больше нравился мужик, сидящий напротив. Давно он таких не видел и не встречал. Что-то ровное, спокойное, честное было в нем. И чувствовалось, что правду этому сказать легко и выслушать его несложно.

– Слушай, а в каком ресторане наших детей женить будем? – вдруг спросил Мельников.

– Мы с тобой договоримся! – воскликнул Перов и обнялся с Петром Вениаминовичем. Было ясно, что отцы выпили немало.

– Если честно, надо бы им институты закончить! Потом в аспирантуру пойти... Поработать, – произнес Мельников.

– А потом кефир, радикулит и валенки, – в тон ему сказал Перов.

– А дочка наша вообще только поступила... Об этом ли мы думали... – поддакнул Петр Вениаминович.

– Да пусть гуляют, влюбляются...

– А может, правильно решили? Семья только и защитит.

– Во, ты про времена, которые наступают, и расскажи. Как ты со своей колокольни, высокой, эти времена видишь? А то я сижу на своей фабрике, только и собачусь со смежниками. То одного не пришлют, то другого нет, то денег не шлют, то коробки не отгружают. Но это же частности. Я картину в целом не вижу. Во-первых, не приучен, во-вторых, обзор маленький.

– Не приучен – это ты зря. Я Стаса твоего слушаю и понимаю, что в доме все честно говорится.

– Ну а что парню голову морочить. И так уже только про ГУЛАГ и говорит.

– ГУЛАГ?

– Ну да. «Огонек» читает, «Московские новости».

– Понятно. Ну, тут мы не повлияем. Пусть читает. Знать надо. А что касается того, что будет... А каюк будет. Помяни мое слово, Николаевич, каюк. Задача – как удержаться, как выплыть. И как детей сохранить.

– Что, совсем трындец?

– Трындец? Отличное слово. Отличное. Очень меткое.

– А в чем трындец? – Перов опять налил в стопки настойку.

– Ох, и крепка она! – воскликнул Мельников, увидев это. – Но не откажусь. Мозги прочищает.

– Это главное, что требуется от настойки. Только ты мясом закусывай.

Мельников послушно взял в руку кусок мяса, но даже не

притронулся к нему.

– Понимаешь, – он вздохнул, – что-то мне кажется, что продали нас. Или продают. Понимаешь, сдают шестую часть суши, со всеми ее лесами и полями, газом, нефтью и Северной Венецией и самым читающим народом в мире. И будет ли терпеть народ то, с чем столкнется, большой вопрос. И не будет ли большой крови.

– А не будет, – сказал Перов, – не будет, если ваш брат, который в министерствах сидит, и на Старой площади, и на площади Дзержинского, крови не захочет. Понимаешь, уже пошло все... Вода несется, заливает берега. Нельзя ее остановить. А если попробуешь, крови много будет. Но понимаете ли вы это? Вы, сидящие там... – Перов указал пальцем на потолок.

– Там мухи обычно сидят, – буркнул Мельников, – как я надеюсь, что все это как-то обойдется.

– А таких умных, как ты – много у вас там?

– Не знаю. И потом, пойми, я же не наверху. Я чуть выше, чем кто-то. Наверху они, но они не слышат. Или нам не говорят ничего.

– Но дети у них есть? Дети-то?!

– Есть. Если моя версия верна, то у этих детей будет власть и будет все, что в этой стране есть! – Петр Вениаминович выпил свою рюмку, не дожидаясь приглашения.

– А как же равные возможности? Как частное предпринимательство? Как здоровая конкуренция?

– Да, как?! Вот я тебя тоже спрашиваю – как?! – Петр Вениаминович шумно выдохнул. Было заметно, что он захмелел крепко. Впрочем, Перову настойка тоже ударила в голову.

– Я так тебе скажу, – Николай Николаевич сунул в рот кусочек мяса, – главное, чтобы революции не было и гражданской войны. Вот этого я боюсь больше всего. Знаешь, между нами говоря, я вообще революций не люблю.

– Однако двигатель развития общества.

– Ага, только половину общества сначала истребят, а оставшуюся вперед двигают. Нет, дорогой Петр Вениаминович, не надо нам этого счастья.

– А что нам надо? Ладно, что детям надо?

– Не трогали чтобы. А трудиться в нашем роду всегда умели. И Стаса так воспитали. Вот увидишь, Лиля будет за ним как за каменной стеной. Хоть и молод он, но взгляды у него правильные.

– Не сомневаюсь, хороший парень. Очень хороший. Я, знаешь ли, не волнуюсь. Ты прав, не было бы кровавого бунта.

– Э... Давай не будем, – замахал руками Перов, – все же собрались по радостному поводу.

– Ах да, – Мельников спохватился, – вы не будете возражать, ресторан оплатим мы, машины там всякие...

– Давай пополам? Так честнее будет, – сказал Перов, – давай все посчитаем и оплатим поровну. Это же нормально,

никому не обидно и дети будут чувствовать себя хорошо.

– По рукам, – согласился Мельников.

Это вечер прошел замечательно. Жены толковали о кулинарии и платьях, мужья о политике и экономике, Стас и Лиля заглянули на несколько минут, похватали со стола пирожки и опять убежали. Они не собирались оставаться с родителями. Вдвоем им было намного интересней.

В эти дни Лиля несколько отдалилась от Киры. Сделала она не столько умышленно, сколько инстинктивно. Она боялась ее резких суждений и насмешек. Не было в классе и, пожалуй, в школе большей язвы. Кира не щадила никого, а когда на нее обижались, говорила:

– А ты отвечай! Защищайся, нападай. Не можешь? Сам виноват.

Даже мальчишки, которые в возрасте лет одиннадцати-двенадцати могут жалить, как те пчелы, и те ее побаивались. Не раз кто-нибудь из таких бойких отводил глаза, старался не связываться с Кирой. Знали, что острое словцо будет пущено незамедлительно. Когда все стали постарше, Кира перестала цепляться к одноклассникам, но не смягчилась. Ее характер проявлялся теперь в пренебрежительном отношении к любому проявлению симпатий. Если кто-то говорил, например: «У тебя хорошая стрижка!» Она отвечала: «Я не ты, я за волосами слежу!» Понятное дело, очень скоро желающих приятно поговорить с Заболоцкой не стало.

– Зачем ты так? – спросила ее Лиля.

– А что, разве это не так? – пожалала плечами Кира.

– Так, только тебя никто об этом не спрашивает, – отвечала Лиля.

Мельникова со временем научилась не реагировать на выходки подруги, а если не было реакции, не было и желания язвить. Поэтому дружба девочек крепла, и к десятому классу они были закадычными подругами. Дружбе способствовало и то, что обе были интересными, впрочем, каждая на свой лад. Но знакомство с Перовым, влюбленность в него заставили Лилю оберегать эти отношения, а поскольку Заболоцкая имела на нее влияние, Мельникова несколько отстранилась.

Отношения с людьми у Киры всегда были очень сложными. Родители к проявлениям характера дочери относились почти равнодушно – все было некогда. Мать с отцом работали, ухаживали за старыми родителями, которые жили в подмосковной деревне. Когда бабушка осталась одна и совсем разболелась, ее забрали в Москву. Теперь они жили все вместе. Родители следили, чтобы у Киры было все, что есть у одноклассников, а еще они требовали, чтоб она занималась дополнительно. Плавание, спортивные секции, театральный кружок в районном Доме культуры – это все было обязательным для Заболоцкой. Справлялась с домашними заботами Кира запросто. В семь лет на ее шею повесили ключ от дома и сказали:

– После уроков придешь, разогреешь обед, пообедаешь и садись за уроки.

С этого самого времени Кира знала, что все ее время в ее руках. Она попробовала не послушаться родителей, вышло не очень хорошо – отец чуть ремнем не ударил. С этого момента Кира убедила себя, что режим дня, установленный родителями, самый удобный. Кира стала отличницей. К десятому классу у нее не было даже четверок.

– Здорово! Ты на медаль идешь! Единственная из класса! – сказала ей Лиля.

– А толку в этой медали?! Зачем она нужна? В институт я и так поступлю. В любой почти. Знаний хватает. А потом что с ней делать?

Лиля в замешательстве замолчала. В ее представлении золотая медаль была вершиной этой части жизни. Ей казалось, что только две вещи важны сейчас – это успех в учебе и любовь. Если в учебе она отставала, то в любви явно преуспела. Чем прогневала подругу.

Спустя некоторое время Кира позвонила Лиле.

– Ну как? – спросила она насмешливо.

– Нормально, – лаконично ответила Лиля.

– Будь бдительна. Мужчины обманывают обычно. Они женщинами пользуются. И останешься ты у разбитого корыта.

Лиля пропустила мимо ушей пассаж про разбитое корыто, но обратила внимание на слово «воспользуется». Этот момент ее волновал давно, когда думала про отношения с мальчиками.

– Ты считаешь, что женщине ЭТИ отношения не нужны? Что только мужчина заинтересован в близости, – Лиля употребила более грубое слово, – ты считаешь, что женщине ЭТО не надо?

Кира хмыкнула:

– Я считаю, что женщина должна быть осторожной. На ней клеймо.

– Что? – удивилась Лиля. – Какое странное выражение. Вообще, ты отказываешь женщине в праве на чувства.

– Ты начиталась глупых модных статей про секс. А я придерживаюсь традиционных взглядов, – сказала Кира.

– Женщина должна выходить замуж девственницей?

– Да, именно.

– А я считаю, должно быть так, как сложится. Нельзя здесь регулировать жестко. И кстати, давно уже не регулируется. Поскольку у нас государство светское и поведение определяется светскими законами, – усмехнулась Лиля.

– Ты забыла про мораль. Такая штука, знаешь ли, есть.

– Мораль? – Лиля задумалась. – Мораль тоже надо обсудить. Где начинается мораль, а где диктат косности и нетерпимости.

– Понятно, – рассмеялась Кира, – ясно, тебе это надо и ты готова это оправдать.

– А что ты смеешься? – сказала Лиля примирительно. – Мне это надо. И я об этом думаю. Где здесь что-то неприличное? Я не виновата, что тебе об ЭТОМ даже противно

подумать. Впрочем, я, в отличие от тебя, понимаю, что люди бывают разными.

Лиля попыталась быть дипломатом. Она дорожила подругой. А Стаса она любила. Поэтому лавировала между ними. В этом проявилась ее мудрость, совершенно несвойственная этому возрасту.

Тамара Леонидовна все заметила и как-то сказала:

– Ты – молодец, если ты проявишь такие качества и в семейной жизни, семья будет счастливой.

– Ты про Киру? – Лиля улыбнулась. – Да, с ней сложно! Очень вещи обидные стала говорить. Но я-то знаю, что она хорошая.

– Да, она – хорошая. И дружба у вас крепкая. Сохраните ее.

Лиля кивнула, а про себя подумала, что это очень сложно – не поссориться с Кирой Заболоцкой.

Тот самый пяточок, которого не хватило на проезд Лиле, оказался поистине золотым. Знакомство Лили и Стаса превратилось в светлый и очень трогательный роман, который, в свою очередь, перерос в любовь и привел к тому, что однажды во время их очередной прогулки по Бульварному кольцу Стас Перов произнес:

– А давай поженимся? Давай?

Не дожидаясь ответа Лили, он воскликнул:

– Ну почему нет! Почему?!

Лиля остановилась и, улыбаясь, посмотрела на Перова:

– Я разве сказала «нет»? Ты что возмущаешься на весь бульвар?! На нас оглядываются.

– Извини, – Стас обнял ее, – я думал, что ты будешь против. Не так много времени мы знакомы...

Лиля Мельникова засмеялась.

– Почему я буду против? Я тоже хочу замуж за тебя. И чтобы все было нормально, а... не... не тайком.

– Да, да...

– Это не значит, что мы женимся из-за секса? Мы женимся, чтобы быть вместе. – Стас стал серьезным.

– Да, у нас будет семья, дети и все, что положено...

– Ну, там ссоры, нехватка денег, сбежавшее молоко и прочие прелести.

– Совершенно верно.

Какое-то время они шли молча. Каждый пытался осознать, что же сейчас произошло. А еще Лиля боялась, что Стас испугается и превратит все в шутку, а Стас опасался, что Лиля, подумав, все же скажет «нет». Прошло какое-то время, никто не отступил, не испугался.

– Поехали к Губареву? – вдруг предложил Стас.

– А можно? – вдруг покраснела Лиля.

– Ключи от квартиры у меня, его, как всегда, дома нет. Он придет только на следующей неделе.

– Тогда поехали, – решительно сказала Лиля и тут же добавила: – Давай зайдем в магазин. Там холодильник совсем пустой.

Они зашли в магазин и закупили всего понемногу – овощей, фруктов, кусок сыра, две отбивные и конфет.

– Откуда что берется! Еще вчера прилавки были пустыми! – проговорила Лиля.

В этот коммерческий магазин они заходили часто, но покупали всего по чуть-чуть. Цены здесь были высокими, продукты были импортными. Больше всего Лиля любила салат с кукурузой и крабовым мясом. Впрочем, очень быстро выяснилось, это было не мясо, а имитация, но это обстоятельство не повлияло на ее пристрастие.

– Тут дело в майонезе, – как-то сказал Стас. – Он густой и имеет сливочный вкус. Майонез не наш, немецкий.

– Здорово! – Лиле и майонез нравился.

В этот раз они, не сговариваясь, замедлили шаг, такое впечатление, что они продлевают предвкушение. Их ждала пустая квартира, они будут наедине, они займутся любовью, потом будут разговаривать до полуночи. Так было и раньше, но сегодня во всем этом был уже другой смысл.

– Как хорошо, что у тебя оказался Губарев, который имеет квартиру на Чистых прудах, а сам живет в Красноярске.

– Он не живет там, он работает, – машинально поправил ее Стас и добавил: – Но суть везения это обстоятельство совершенно не меняет. Дай бог ему повышение по службе.

– И долгого пребывания в славном городе Красноярске, – рассмеялась Лиля.

Они подшучивали на Андреем Губаревым, но именно в

его квартире состоялась то самое важное свидание.

Это было летом. Стас сдавал сессию, Лиля готовилась к вступительным.

– Ли, – Перов так иногда ее называл, – давай перерыв делай. Я тебя буду ждать на Котельниках.

– Почему именно там? – Лиля знала, что надо бы еще познакомиться, но было жарко, она ночь не спала, а еще и родители все утро спорили с пришедшими рабочими относительно ремонта.

– Там хорошо, речки рядом, бульвары тихие. Как-никак, конец июня. Кто-то уехал, кто-то на даче...

– А кто-то зубрит... – вздохнула Мельникова.

– Вот-вот, сделай перерыв.

Лиля пошла к Тамаре Леонидовне.

– Мам, Стас зовет погулять. Побродить по закоулкам.

– Иди, – мать посмотрела на бледную дочь, – иди, на тебе лица нет. Вся твоя филология не стоит твоего здоровья.

Тамара Леонидовна умела расставлять приоритеты, а еще была наблюдательна. Она видела, что дочь усидчива, дотошна и занимается добросовестно, а еще она видела, что та влюблена. «Стас хороший парень, вдруг это судьба? А если не судьба, все равно, зачем лишать ее юношеских увлечений?! Что с того, что моя мама терпеть не могла Петра, а отец с ним не разговаривал до самой своей смерти. Мы все равно поженились, прекрасно живем и дочка у нас замечательная!» – размышляла Тамара Леонидовна. Вслух она сказала:

– Ты что-нибудь теплое возьми, обещают резкое похолодание.

– Да, конечно, – ответила дочь и убежала на свидание в тончайшем сарафане.

Они встретились у библиотеки, серого современного здания, которое совсем не вписывалось в этот московский угол. Впрочем, им было не до архитектурных ошибок. Они были заняты только собой.

– Какая же ты красивая! – сказал Стас Лиле и посмотрел на ее грудь.

– Да, просвечивает, но ничего нельзя поделать.

– И не надо ничего делать. – Он ее обнял и предложил: – Поехали к моему другу. Там пустая квартира. Поехали... если ты...

– Поехали. – Лиля отвернулась, чтобы скрыть смущение.

Мимо этого дома Лиля часто проезжала – там поворачивал трамвай, идущий по бульварам к Чистым прудам. Дом был высоким, и, сколько помнила Лиля, он был всегда выкрашен в голубой цвет. И еще там был белый балкончик. Мельникова всегда думала, что это самый уютный балкон во всей Москве. Отсюда были видны пруды, лебеди и то, как маленький поезд, неспешно бежал трамвай. В тот день они пришли как раз в этот дом. И Лиля не удержалась и сказала:

– А вдруг это знак? Знаешь, как бывает? Знак удачи, признака везения?

– Почему? – удивился Стас.

– Я всегда обращала внимание на этот дом. Он мне всегда нравился и я даже представляла, что я живу в нем.

– Да, здесь хорошо, – Стас оглядел пруд, который был засыпан тополиным пухом, – хоть и несколько пушисто.

Лиля засмеялась. Они вошли в подъезд, поднялись по лестнице на третий этаж, и Стас открыл одну из дверей. Пахнуло теплом – так пахло у Лили в доме, когда они возвращались с дачи после долгого отсутствия. Пахло нагретым полом, коврами, занавесками. Немного пахло пылью, среди всех этих запахов был еще один очень трогательный, напоминающий о чем-то утраченном. «Пахнет прошедшим временем», – как-то сказала Тамара Леонидовна. «Ты хотела сказать – прошлым?» – уточнила Лиля. «Нет, это как в языке иностранном – «прошедшее время». Да, было когда-то, но окончательно оно не прошло, свежо в памяти. Понимаешь, «прошедшее время» – это некая условность. Ты понимаешь меня?» – спросила мать. И Лиля ее поняла – пахло тем, что только что случилось, только что произошло, но не стало воспоминанием. Лиля хотела об этом сказать Стасу, но постеснялась. Да и ситуация была не самой подходящей для таких разговоров. Они впервые остались наедине с друг другом.

– Я не настаиваю, но очень хочу, – сказал ей на ухо Стас, словно подслушал ее мысли.

– Я тоже. Также не настаиваю, но очень хочу. Только будь осторожен.

– Конечно... – Стас подтолкнул ее в комнату.

... Уже ночью, когда они спокойно лежали на большом диване, разглядывали в высоком окне серое летнее небо и прислушивались к шумной жизни Чистых прудов, Лиля сказала:

– Так странно. Наверное, случилось что-то важное в нашей жизни, но я этого не чувствую. Для меня это так естественно, так нормально. Мне казалось, что у нас с тобой так и будет.

– Я никогда не задумывался, что это значит. Просто часть отношений...

– У тебя были женщины до меня? – Лиля приподнялась на локте.

– Да, были. Знаешь, мальчики взрослеют в классе восьмом. С девочками, которые старше их года на три.

– И у тебя так было.

– И у меня.

– Ясно. – Лиле захотелось обидеться. Стас это почувствовал.

– Слушай, ну смысл это все сейчас обсуждать? Это было когда-то. А ты – это сейчас. И вообще, у меня идея – пойдём погуляем. Просто пройдемся по ночным улицам? Никуда не спеша. А потом вернемся сюда, попьем чаю и ляжем спать. Словно это наш дом.

– Ах, – Лилля вскочила, – я забыла родителям позвонить.

– Телефон в прихожей. – Стас тоже вскочил.

– Ты здесь побудь, я хочу с мамой без свидетелей погово-

ритель!

– Конечно, конечно...

Лиля храбро набрала свой домашний номер. К счастью, подошла Тамара Леонидовна.

– Мама, ты извини, я просто забыла позвонить!

– Лилия, уже почти ночь! Ты представляешь, что мы тут думали?! Сейчас так беспокойно на улицах!

– Мама, а мы хотели пойти погулять, а потом сюда вернуться...

– Лиля! – Похоже, до Мельниковой-старшей только сейчас дошло, о чем они говорят с дочерью. – Лиля! Вы там вдвоем? В какой-то квартире?!

– Мама, да, – твердо сказала Лиля, – мы вдвоем в квартире друга. Он сейчас в отъезде. А мы тут. И я хочу остаться здесь.

– Лиля, ты все хорошо понимаешь? Мы же с тобой обо всем таком говорили.

– Именно поэтому я все понимаю и решила, что хочу сделать так.

Тамара Леонидовна помолчала, потом вздохнула.

– Ну, почему-то я сразу почувствовала, что с этим мальчиком у вас так все закрутится!

– И это, мама, хорошо!

– Осторожней, дочка. Папе я не буду ничего говорить, это наша с тобой тайна. И если что...

– Мама, спасибо тебе. Я же знаю, что ты волнуешься. И даже сердисься на меня. Но вслух ты ничего не сказала. Я

рада, что ты на моей стороне. Целую тебя.

– И я тебя. – Тамара Леонидовна повесила трубку. Лиля, закутанная в белую простыню, присела на стоящий в коридоре пуфик.

Стас подошел к ней.

– И что? – спросил он.

– Моя мама – самая лучшая мама в мире, – сказала Лиля сквозь слезы.

– И ты – самая лучшая Лиля в мире, – сказал Перов и поцеловал ее в макушку.

Они сделали как решили – оделись, вышли на улицу, смешались с толпой поздних гуляк, съели мороженое, которое теперь можно было купить хоть в четыре утра в любом коммерческом киоске. Вернулись они на Чистые пруды, когда небо стало светлым.

Дома мама провела с Лилей большую беседу. Дождавшись, когда за главой семьи закроется дверь, Тамара Леонидовна налила им чай, сделала бутерброды и, вздохнув, начала:

– Наверное, я должна тебя отругать, напугать, лишить каких-то подарков и вообще сделать так, чтобы ты навсегда запомнила этот день. Но я не могу этого всего сделать, поскольку ничего ужасного в случившемся не вижу. Как я ни старалась встать на место тех матерей, которые проклинаят дочерей за подобные поступки, я не могу их понять и уж тем более поступать так, как поступают они. Когда ты подраста-

ла, я составила целый план, как буду воспитывать тебя и как я буду учить тебя общаться с мальчиками. А потом поняла, что все это полная ерунда. Я поняла, что любая женщина, как и любой другой человек, должна бояться болезней. И должна знать все о том, как их избежать. А вот рождение ребенка... Рождение ребенка – это благо. Конечно, лучше всего, если ребенок растет в полной семье и родители достаточно взрослые, чтобы его обеспечить. Но если случается иное...

– Я поняла тебя, мама. Если я забеременею, я не пойду делать аборт. Я оставлю этого ребенка.

– Ты все поняла правильно. Но не забудь, что ребенок не отменяет высшее образование и карьеру. Готовься к тому, что может быть трудно.

– Я готова, – Лиля подошла к матери и обняла ее, – ты удивительная у меня. Я вчера и Стасу так сказала.

– Ладно, если ты допила чай, иди готовься к экзаменам.

Лиля поцеловала мать и ушла в свою комнату. Понятно, за учебники она села не сразу. Первым делом она позвонила Стасу.

– Я только что разговаривала с мамой, – сказала она.

– И? Она тебя отругала? Давай я приеду! Я ничего не боюсь, я ей все скажу.

– Никуда не надо приезжать. Мама у меня потрясающая женщина, она все понимает и на нашей стороне. Она сказала, что главное – не совершать ошибок. А зачастую ошибки –

это не то, что думает большинство.

Стас помолчал.

– Э... я понял главное – она все знает и не убила тебя!

– Правильно, – рассмеялась Лиля, – детали я тебе поясню при встрече.

– А когда? Когда эта встреча состоится?

– Когда я сдам первый вступительный!

– Так я же умру до этого времени! – возмутился Стас.

– Не умрешь, – рассмеялась Лиля.

Она положила трубку и уселась за стол. В голове была каша из всего – мыслей, впечатлений, опасений. Но Мельникова умела собой управлять.

– Значит, так, ты должна сдать экзамены! – сказала она себе и просидела над учебниками до позднего вечера.

Прошло три недели, и она поступила в МГУ. И никто не приложил к этому руку. Ни Петр Вениаминович, имеющий связи, ни Тамара Леонидовна, имеющая влиятельных подруг. Поступила Лиля только потому, что отлично подготовилась.

Когда об этом факте узнала Перова Зинаида Васильевна, она сказала мужу:

– Девочка не только из хорошей семьи, но и способная. А еще воспитанная. И знающая, что главное.

Перов поднял бровь, хотел было с женой поспорить, но, вспомнив Лилю, в душе согласился. В те редкие случаи, когда он сталкивался с подругой сына, она производила самое

лучшее впечатление.

Кира

А что же Кира? Что же думала по поводу происходившего лучшая подруга Лили? Как она отреагировала сначала на новые отношения приятельницы, а потом и на предложение руки и сердца, которое получила Лиля.

А Кира Заболоцкая, получив золотую медаль, не пошла в институт. В семье по этому поводу случилась крупная ссора, в результате которой никто друг с другом не разговаривал. Отец Киры встал на ее сторону, утверждая, что должно быть право выбора, а образование дочь и так получит, она – способная и пробивная. Мать Киры обвинила отца в равнодушии и в том, что он потакает капризам дочери. А Киру она обвинила в самодурстве, эгоизме, неблагодарности.

– Брала бы пример с Мельниковой! – в конце длинной тирады воскликнула мать Киры. – Она-то понимает, что без диплома не обойтись. Ты хоть на нее посмотри! Если нам с отцом не веришь!

– Я-то вам верю, – вскипела Кира, – только живете вы в коммуналке, квартиры не видать отдельной, концы с концами еле сводите. Одежду нормальную купить не можете. И даже сейчас, когда можно как-то заработать, сидите на своих нищих работах!

Кира перевела дух, а потом совсем «добила» мать:

– А твоя Лиля замечательная спит с парнями. Не успела

школу окончить, а уже в постель полезла. Мне с нее пример брать, да?

Сложно сказать, что произвело на родителей большее впечатление – обвинение в нищете и бездействии или сообщение о Лиле. Только мать Киры вдруг покрылась пятнами.

– А зачем ты о подруге такое вслух говоришь? Не ты ли всегда утверждала, что сплетни – это низко? Если ты знаешь об этом, то должна молчать! Ты не имеешь права об это говорить!

Кира онемела, поскольку ожидала совсем другой реакции. Она хотела, чтобы мать ужаснулась, всплеснула руками, проговорила «куда смотрят родители». Ей хотелось, чтобы Лиля, наконец, сошла со своего пьедестала. Но получилось ровно наоборот. Еще она, Кира, оказалась и виноватой.

– Ах так?! Я больше не буду с вами разговаривать! – заявила она. Через два дня она переселилась в одну из пустых комнат. Дело в том, что Заболоцкие занимали коммуналку из пяти огромных комнат. Все уже получили ордера на новые квартиры и уехали. Подселять людей сюда не стали, ожидался капитальный ремонт, который, похоже, стал несбыточной мечтой, поскольку времена наступили тяжелые. В смысле духовных свобод и торговли стало хорошо, но вся остальная экономика тихо гибла. Кира заказала себе личный ключ и перетащила свою мебель – диван, полки с книгами и стол. Вытертый старый паркет она закрыла молдавской кошмой. Ей самой понравилось, как стало выглядеть ее убежище. И

настроение, которое было отвратительным после ссоры с родителями, улучшилось. «Помириться – мы помиримся, но почему мать Лилю защищает? Ведь ни одного слова плохого не сказала. Попробовала бы я так поступить! Как бы она отреагировала?!» – думала Кира.

Эта ссора вообще повлияла на все семейство. Вдруг однажды отец пришел с работы радостный:

– Вот и мы ордера дождались. Скоро переезжаем.

– Как же так? Вдруг?! Даже не верится!

– Я в профком ходил, покричал, потребовал. А они сейчас боятся всего, начальство в Москве новое. Как повернется дело – никто не знает. Так что собираем вещи.

Родители захлопотали, Кира им помогала, но при этом почти с ними не разговаривала. Мать, которая уже остыла от гнева и была поглощена предстоящим переездом, попыталась помириться, но Кира была хмурой. Мать махнула рукой. Ей казалось, что дочь заигралась в детство, когда капризами пыталась вытребовать себе игрушку.

– Дочка, мое мнение такое – надо поступать в институт, надо нормально общаться в семье, уважать родителей. Они у тебя не самые плохие, – сказал как-то отец, – заканчивай дурить.

– А я и не дурю, – спокойно ответила Кира, – это вы переезжаете, а я здесь поживу. Дом не ставят на капремонт, денег нет. Магазины на первом этаже продолжают работать, и химчистка никуда не съезжает.

А вот это был удар. Кира была единственным ребенком, к которому хоть и относились строго, но которого любили. Все, что в этой семье делалось, а делалось немало, делалось ради будущего дочери. И вот такой легкий «уход» из семьи, такое простое и даже в чем-то циничное решение было полной неожиданностью. Киру не смущало, что все эти дни, когда семья, включая Киру, ездила смотреть новое жилье, вязала узлы и упаковывала посуду, обсуждала, что куда поставить в новой квартире, она молчала. И только когда была заказана машина для переезда, она объявила о своем решении.

– А что такого?! – Она посмотрела на вытянутые лица родителей. – Вещи, которые мне понадобятся, все равно на выброс.

Отец и мать молчали. Потом мать сказала:

– Ну ты же понимаешь, речь не об этом старье.

– Да?! – с издевкой спросила Кира. – А я думала, что именно об этом.

Мать в эту ночь плакала, отец смотрел телевизор допоздна, Кира сидела на диване, поджав ноги, и ждала, когда к ней придут уговаривать и договариваться. Но никто к ней не пришел. И она так и заснула в одежде, повалившись на подушку. А утром приехали грузчики, долго и громко грузили вещи, а мать за ними подметала полы. В ее понимании грязь даже в старом доме оставлять было нельзя. Кира тоже помогала, даже на метро поехала, чтобы там встретить машину и разгрузить все вещи. Но в новой квартире не осталась. А ро-

дители озабоченно сновали по комнатам, переговаривались, в голосах была усталость и не было оживления и радости. Когда Кира попрощалась, мать сказала:

– Под нами еще две семьи остались, но они, по-моему, не уезжают. Не знаю почему. Если что, нам звони в первую очередь и к ним зайди. Помогут. Они знают, что ты остаешься.

– Уже успела предупредить, – язвительно сказала Кира.

– Кира, нам еще очень многое надо сделать, – вступил отец, – ты или оставайся и помогай, или уезжай. – Отец спокойно посмотрел на нее.

Кира вернулась в опустевшую квартиру. Отперла сначала общую дверь, потом свою. Прислушалась. Было тихо. Зачем она так поступила, она не знала. Но все уже сделано. Выхода не было. Самых близких своих людей она обидела, да так, что они не захотели ее уговаривать. Кира походила по комнатам, замечая следы прошлой жизни. На душе было гадко, хотелось рыдать и кричать. Потом, когда она станет старше, эти рыдания будут называться вытьем от боли и безысходности. Но это будет потом, когда она станет взрослой женщиной. А пока она – вчерашняя школьница, девочка, и это желание заголосить пугало ее.

Утро Киры было хуже, чем вечер. Вчера была усталость, впечатления, эмоции. Утром была тишина опустевшей коммуналки, чужой шум улицы, отсутствие планов. Утром оказалось, что совместная жизнь – это не только обязанности и права, но и разговоры, хлопоты, родные запахи, смех. Вме-

сто этого всего Кира нашла конверт с деньгами и записку от матери. Деньги были оставлены на питание и необходимые расходы, и мать просила ее обращаться к ним в любом случае. «Мы считаем, – писала она, – что ничего не произошло. Жизнь на расстоянии – это не ссора. Это просто жизнь на расстоянии. Хотя нам было бы лучше с тобой». Кира пересчитала деньги. Такой суммы она в руках еще не держала. Наскоро приведя себя в порядок, она сбегала в хозяйственный магазин, который находился в соседнем доме. Там требовались продавцы, о чем висело объявление на кассе. Как только директор магазина узнала, что Кира живет рядом, да еще не учится нигде, она тут же отправила ее к кадровику. Тот оформил ее продавцом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.